

АЛЕКСАНДР
ЗВЯГИНЦЕВ

ЯРМАРКА
БЕЗУМИЯ

Время меняет всё! Особенно мысли!

Валентин Ледников

Александр Звягинцев

Ярмарка безумия

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос-Рус)62

Звягинцев А. Г.

Ярмарка безумия / А. Г. Звягинцев — «РИПОЛ Классик»,
2019 — (Валентин Ледников)

ISBN 978-5-386-12701-5

Александр Звягинцев, безупречный знаток материала и столь же безукоризненный мастер интриги, создал произведение, в котором сплелись одновременно семейная сага, и любовный роман, и остросюжетный триллер. Поэтому неудивительно, что пьесы, написанные и поставленные по нему, шли в двух московских театрах, а литературный сценарий был экранизирован. Роман издавался не только в России, но и за границей. В прошлом году на испанском языке он был представлен автором на Гаванской книжной ярмарке, в этом — на Парижском книжном салоне. Магнетизм произведения во многом объясняется тем, что рядом с вымышленными героями действуют персонажи, прототипы которых легко угадываются. Неожиданна не только развязка. Поразительна, но психологически точна и достоверна пружина, запустившая ход этого на первый взгляд, казалось бы, безумного действия... Достоверность и психологическая точность — непременные качества художественного почерка Александра Звягинцева.

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос-Рус)62

ISBN 978-5-386-12701-5

© Звягинцев А. Г., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Звягинцев

Если совершено злодейство, всегда есть преступник – конкретный и реальный. Тот, кто воткнул нож или нажал курок. Так что не надо винить весь мир. И даже когда кажется, что истину вообще установить невозможно, искать ее все равно надо. И люди всегда ее будут искать, потому что не могут согласиться, что ее нет вообще. Ибо тогда жизнь просто бардак, а люди – плохие клоуны или безмозглые мартышки.

А. Г. Звягинцев

© Звягинцев А. Г., 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Вместо пролога

В стремительно и неотвратимо сгущающихся зимних сумерках от дома с распахнутыми дверями и желтеющими окнами в непроглядную глубь леса, где темные деревья стояли непрходимой стеной, продвигалась нелепая и зловещая процессия.

Впереди шли с носилками двое чем-то очень схожих мужчин с опущенными как будто от стыда и унижения глазами. На носилках лицом к идущему впереди сидел странный человек в белом с белыми волосами. Словно безжизненный манекен, он раскачивался в такт каждому шагу или неловкому движению несущих носилки мужчин. Следом шел еще один мужчина с лопатой в руке. Лицо у него было нахмуренное и даже злое. За ним красивая молодая девушка вела, поддерживая за локоть, пожилую женщину с заплаканными глазами, которая с трудом передвигала ноги.

Предательски расплзлась и чавкала под ногами перемешанная со снегом земля, ветер бил в лица леденящей изморосью, жутко и страшно орали невидимые вороны в верхушках раскаивающихся сосен, то ли пугая, то ли предостерегая...

Казалось, эти люди выполняют некий языческий обряд, смысл которого им не понятен или даже страшен. Но силы принуждения были столь велики, что, подчинившись им, они покорно и безмолвно продолжали свой скорбный путь.

Через какое-то время они вышли на окружную поляну, посреди которой пугающе чернела свежевырытая яма.

Двою идущих впереди тяжело опустили носилки на землю и застыли в молчании, ожидая остальных. Они старались не глядеть на носилки и друг на друга. Подошедшие следом тоже отводили взгляд от носилок.

Хмурый мужчина с лопатой поднял глаза к мутному, тоскливорому небу, словно пытаясь разглядеть там что-то невидимое. Заплаканная женщина с ужасом смотрела во тьму ямы, на дне которой скопилась ледяная жижа. Красивая девушка обняла ее еще крепче.

И только сидящий на носилках белый человек оставался неподвижным и безучастным ко всему, что было вокруг. То ли потому, что все происходящее не имело к нему никакого отношения, то ли потому, что заранее согласился с тем, что было уже неминуемо...

Старик очнулся и уставил перед собой невидящими глазами. Опять этот сон, который он тут же забывает и потом не может вспомнить! Только тягостная печаль на душе и обрывки мыслей, в которых невозможно разобраться.

Как всегда днем, он заснул неожиданно, на сей раз в кресле за письменным столом. Сон походил на приступ, после которого ломило виски и тяжело, с громкими всхлипами и перебоями вздрогивало в груди сердце.

Через какое-то время старик окончательно пришел в себя. За окном вразнобой раскачивались под порывами ветра высоченные сосны. Глядя на них, старик погрузился в свои привычные мысли, и ему даже не пришло в голову, что сосны эти те самые, что он видел во сне...

Глава 1

Неоконченное преступление

Никогда не верил, что даже самое сильное потрясение может привести к перерождению человека, изменить его радикально. Человека в действительности не способны переменить ни самое глубокое раскаяние, ни самое искреннее покаяние.

Нельзя стать другим человеком! Да, люди меняются, но не внутри, не в глубине, не в сердцевине своей. Просто в результате потрясения человек может наложить на себя какие-то ограничения, попытаться не делать то, что делал до того... Но и только!»

Старик откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. В доме было тихо. Только на кухне мерно и безучастно, словно часы, капала вода из потекшего крана. Да еще торопливо и прерывисто колотилось в ушах его собственное сердце. Надо было бы принять лекарство, но не хотелось утерять вдруг пришедшую мысль, показавшуюся очень важной. И старик снова склонился над рукописью.

«Человек, если у него нет каких-либо психических отклонений, конечно, меняется от рождения и до смерти. Но меняется он естественно, не разрушая заложенные в него от природы основы. Эти основы объединены в одно целое – в личность. И резкое крушение одной из них неминуемо должно привести к краху всей системы. А значит, и к краху личности. Поэтому психика человека противится, не дает «взорвать» себя. Срабатывает инстинкт самосохранения. То есть главные основы человеческой личности не меняются, а лишь отступают иногда на задний план.

Когда же утверждают, что какой-то человек изменился в корне, стал совершенно другим, это заблуждение или ложь. Если человек стал действительно другим, значит, он стал ненормальным, сумасшедшим, душевнобольным, потому что его внутренний мир разрушен, он пережил психический крах...»

Старик отложил тяжелый «Монблан» с золотым пером, сохранившийся у него с тех времен, когда он занимал большую должность, и сильно сжал пальцами виски, в которых кровь бухала все сильнее. Он смотрел на исписанные листы и чувствовал, что желание писать дальше вдруг оставил его.

Господи, кому это нужно! Зачем? Не стоит обманывать себя!

Такие перепады настроения случались с ним в последнее время все чаще. Он понимал, что это следствие физических недомоганий, усталости, что настроение его зависит теперь от каких-то дурацких холестериновых бляшек в сосудах головного мозга, но справиться с собой не мог. Ему давно уже трудно было управлять своими мыслями.

Вот и теперь, глядя на собственный почерк, мелкий, буквально бисерный, но очень разборчивый и ровный, как по линеечке, он вдруг стал вспоминать, что сия каллиграфия значит в психологическом плане. Итак, строчки в конце не загибались вверх, не скатывались вниз. Буквы были выписаны без всякого наклона, практически вертикально. Такой почерк принято считать свидетельством способности человека к концентрации на каком-то одном направлении в делах, мыслях, привязанностях. Обычно это сдержанный, неагрессивный человек, но не без чувства собственного превосходства над другими. Впрочем, чувства вполне сдержанного и редко проявляемого.

Ну что ж, в гениях и героях он себя и впрямь никогда не числил, но и дураком тоже не считал.

Еще, вспомнил он, мелкий почерк говорит о скрытности и стремлении проводить время в одиночестве. Правильно говорит, именно этим он в последнее время чаще всего и занимается – проводит время в одиночестве, как сыр, скрывшись от жены, от детей, от немногих оставшихся в живых друзей.

Тут на старика опять накатило раздражение – размышлять над собственным почерком, в его-то возрасте! Нашел развлечение! Может, это разжижение мозгов надвигается?

Старик раздраженно захлопнул тетрадь, но тут же открыл ее снова и принялся читать с первой страницы.

«Вчера во время прогулки дошел до поворота к дому, где жили Ампилоговы, и, чуть поколебавшись, свернул. Дом выглядел совершенно пустынным и нежилым. Смотришь на него и не можешь поверить в чудовищность того, что там произошло. А потом вдруг кольнуло – а что будет с твоим домом? Давнее предчувствие, постоянное мучение: мой дом после меня не устоит… А мне, судя по всему, осталось немного.

Несколько дней назад узнал, что Ампилогова в суде отказалась от своих признательных показаний, и испытал странное чувство облегчения. Нет, не потому, что считаю, будто следствие проведено плохо и предвзято, а потому, что не хочется верить, что женщина, которую ты хорошо знаешь, может вот так хладнокровно пристрелить спящего мужа, а потом замести следы…

Хотя, что касается следствия, вопросов там много. Во всяком случае, в поведении следователей чувствуется даже не недобросовестность, а скорее изначальная убежденность в ее вине. За этой убежденностью следствия видится какое-то тайное знание, широкой публике недоступное… Они словно были к этому заранее подготовлены. Кем? С какой целью?»

Старик перелистнул сразу несколько страниц и снова погрузился в чтение.

«Приговор Ампилоговой вынесен. Пожалуй, минимальный, если считать ее виновной. Но почему-то нет уверенности, что осудили ее совершенно справедливо. Есть ощущение, что там не все так однозначно. Что существуют какие-то обстоятельства, которые остались, как говорится, за кадром…»

Обстоятельства-то остались, подумал старик, но кому это теперь может быть интересно? Кого это взволнует? Даже если откроются иные обстоятельства, что это изменит?

Раздражение вновь накатывало на него. Интересно это может быть только вот такому старому пни в отставке, которому больше уже нечем в жизни заняться. Вот он и развлекается, как может!

Старик захлопнул тетрадь, спустился вниз и сунул тетрадь в тайник. Причем не упустил случая опять позлорадствовать в свой адрес.

Уверен, что эти записи никому уже никогда не понадобятся, а сам прячешь их в тайник! Где же логика, милый друг? Небось в глубине души надеешься, что когда-нибудь они станут

достоянием широкой общественности и произведут на нее впечатление? Какое? Какое впечатление можно произвести на нынешнюю общественность? Просто ты уже не контролируешь себя, занимаешься самообманом или пустыми тревогами. Вот, например, уже несколько дней тебе кажется, что вокруг дома кто-то рыщет, подглядывает за тобой, что-то вынюхивает. Хотя кому ты теперь нужен? Зачем? Что с тебя взять? Прошли те времена... В ноябрьскую черную снеговую слякоть рыскать в пустынном дачном поселке могут только бродяги в поисках еды и водки. Одинокий пенсионер им только помеха.

Старик накинул теплую куртку, водрузил на лысую голову старую ондатровую шапку, сохранившуюся с лучших советских времен, сунул ноги в разношенные кроссовки и вышел на крыльцо.

Дом утопал в неправдоподобно густом белом тумане. Ничего нельзя было разглядеть уже метрах в десяти от себя. Но жизнь в туманной мгле продолжалась – там что-то непрерывно шуршало, капало, скрипело, издалека доносились гудки машин, чьи-то едва различимые голоса, стук электрички...

По черной асфальтовой дорожке, с которой из-за оттепели сошел весь снег, старик дошел до калитки, распахнул ее и вышел на улицу. Оба конца ее пропадали в тумане. В нескольких метрах от него на обочине чернела глубокая яма, выкопанная неделю назад рабочими, ремонтировавшими теплотрассу. Разумеется, другого времени для ремонта не нашли и, естественно, яму так и оставили наполняться снежной жижей, замерзшей по ночам, неизвестно на какой срок. Видимо, по российскому обычаю, до тех пор, пока какой-нибудь случайный прохожий не сверзится в нее в потемках и не свернет себе шею.

Старик подошел к самому краю ямы и заглянул в глубину. Из грязного густого месива торчали куски арматуры и обломок бетонной плиты.

На самом краю ямы на нескольких кирпичах стояла мятая железная бочка, в которой разогревали смолу для изоляции труб. Помнится, увидев, как рабочие разводят под бочкой огонь, он еще подумал: будто черти в аду готовят страшные муки для грешников...

– Простите!

Старик невольно вздрогнул и обернулся. Человек вынырнул из тумана совершенно беззвучно.

– Добрый день, я ищу бывшую дачу Ампилоговых, – негромко сказал неизвестный. – Не подскажете, где она?

И старик изумился еще больше. Только что он закончил записывать свои размышления об этом убийстве, совершенно уверенный, что история эта уже давно никому, кроме него, не известна и не интересна, и на тебе – из непроглядного тумана тут же является непонятный человек и интересуется именно Ампилоговыми... Что сон сей значит?

Он быстро и цепко оглядел таинственного незнакомца. Но осматривать было нечего. Рост средний, видно, что худощав, одет в хороший пуховик с капюшоном, отороченным каким-то рыжим мехом. Из-за того, что капюшон был опущен почти на глаза, разглядеть лицо было невозможно. Ну, гладко выбрит, ну, губы растянуты в насмешливой улыбке...

– Неужели не знаете? – удивился незнакомец. – Вы ведь тут, судя по всему, старожил? А об Ампилоговых тут три года назад все только и говорили... Дело-то было громкое – на всю страну. Да что там на страну – на весь мир прогремело.

Старик прокашлялся. Молчать дальше было неловко, еще подумает, что старый пенькове выжил из ума.

– А вам-то чего до них? – спросил он. – Я думал, эту историю все уже давно забыли. По нынешним временам такие дела разве редкость?

– Ну, забыли-то не все, – чуть усмехнулся незнакомец. – Вы, судя по всему, помните. И я вот интересуюсь.

– Зачем? – еще раз переспросил старик как можно равнодушнее. Разговор был почему-то ему неприятен.

– Ну, как вам сказать… – скривил тонкие губы незнакомый человек. – Ну, извольте, объясню, тайна сия невелика есть. Я, понимаете ли, в некотором роде писатель…

– Писатель, – покачал головой старик.

– Не верите, – констатировал незнакомец, ничуть, впрочем, не обидевшись. – И правильно делаете. Экий вы наблюдательный, ничего от вас не скроешь! Я же сказал – в некотором роде. Не Лев Толстой, конечно, и не Шолохов, разумеется. Мы свое место знаем. Я из разряда тех литераторов, которые интересуются современной историей. Пишу, опираясь на факты и документы, о том, что случилось с родиной и с нами в последние годы.

– И как? – не сдержался от усмешки старик. – Получается? С родиной разобраться?

Человек на колкость никак не отреагировал.

– Ну, как в таких случаях говорится, не мне судить. Но порой, не буду скрывать, удается выйти на темы и факты, широкой публике недоступные. Вот вы, например, верите в официальную версию убийства Ампилогова?

В последнее время старик старался следить за собой во время разговоров с кем бы то ни было. Чтобы, не дай бог, не впасть в старческую болтовню, когда несешь все подряд, впав в восторг только от того, что хоть кто-то хочет с тобой поговорить.

– Мало ли во что я верю, – сухо сказал он, желая показать, что полностью владеет собой и ветеранского пустословия от него ждать не стоит. – Приговор вынесен, закон соблюден.

– Ах да, вы же у нас жрец закона! Пусть рухнет мир, но восторжествует закон! Таково ваше убеждение?

У старика мелькнула подозрительная мысль: откуда этот человек знает о его отношениях с законом? Однако он не подал вида, что встревожился, и, быстро справившись с охватившим его волнением, со знанием дела стал объяснять очевидную логическую ошибку, которую допустил собеседник. Почему-то это показалось ему необходимым.

– Не стоит понимать это утверждение буквально. Скорее его надо понимать так: мир рухнет, если не восторжествует закон.

– А если это ваше торжество закона неминуемо раздавит и погубит другую жизнь? – не отступал незнакомец. – Причем совершенно невинную? Если это ваше торжество означает новые жертвы и новые страдания? Вы готовы добиваться его и в этом случае?

Старик, все время внимательно смотревший себе под ноги, чтобы не поскользнуться, поднял глаза и вдруг обнаружил, что незнакомец стоит уже вплотную рядом с ним и неотрывно смотрит на него в упор. И в глазах его пылают ярость и ненависть.

– Какие жертвы! О чем вы? – растерянно пробормотал старик, невольно отшатнувшись от уставившегося на него незнакомого человека. Вдруг ему стало ясно – перед ним безумец, очень опасный безумец.

И в это мгновение его разом ослабевшие ноги разъехались по грязи, он в отчаянии попытался, чтобы не упасть, схватиться за бочку, но только нелепо взмахнул руками и вместе с отвалившимся куском земли полетел спиной прямо в яму, в ледяную трясину, на острые концы арматуры и зазубренные обломки бетона…

Боли он поначалу не чувствовал, только понимал, что не может пошевелиться. Он открыл глаза и увидел своего странного собеседника. Тот стоял на краю ямы и спокойно смотрел на него. Лицо его ничего не выражало. И старик вдруг подумал, что, может быть, яростное безумие в его глазах было только видением…

– Кто же его там в яме под бочкой нашел? – поинтересовался прокурор района.

– Обнаружила его местная сторожиха – Постникова Анна Родионовна, – доложил следователь. – Говорит: будто в сердце кольнуло что-то, предчувствие дурное ее замучило… Вот она и побежала проводать старика.

– Предчувствие, понимаешь! – фыркнул прокурор. – Ей что, больше в жизни думать не о ком было?

– Так она за стариком приглядывала, когда он один на даче оставался. Еду готовила, посуду мыла, продукты закупала. Она, Постникова, семью Востросаблиных сто лет знает, с тех пор, как они там поселились. В общем, прибежала она туда, видит – калитка распахнута, входная дверь не заперта, в доме никого… Подумала, пошел старик гулять, и решила пока прибраться в доме.

Но, говорит, чувствую – случилось что-то, все прямо из рук валится…

– Чего это она, интересно, чувствительная такая, сторожиха эта? Прямо экстрасенс какой-то!

– Ну, экстрасенс не экстрасенс, а женщина своеобразная, непростая… В общем, кинулась она на улицу, а когда рядом с ямой оказалась, глянула туда, а на дне рядом с бочкой шапка его валяется… Ну тут она шум и подняла.

– Значит, по первым впечатлениям – смерть в результате несчастного случая? – задумчиво спросил прокурор.

– Несомненно. Старик пошел на прогулку, остановился у края ямы, поскользнулся… Падая уже, схватился рукой за бочку, ну и вместе с ней свалился… Она его так придавила, что встать он уже не мог. Там, в яме, воды было столько, что он захлебнулся. Ну и сердце больное остановилось.

– Бр-р! – передернул плечами прокурор. – Ничего себе смерть! Врагу такой не пожелаешь. Заслуженный человек, и захлебнулся грязной жижей рядом с домом, в яме!..

Следователь философски развел руками, он за свою долгую службу разное повидал.

– И никаких сомнений? – вдруг прищурился прокурор. – А вам известно, что несколько лет назад в адрес этого самого старика, как вы выражаетесь, поступали весьма серьезные угрозы? Настолько серьезные, что ему Москва выделила охрану.

– Так это когда было? Когда он важной шишкой был! А теперь кому он нужен?

– А если месть обиженного им человека? Он обидел в своей жизни много кого. Причем из тех, кто сегодня и при деньгах, и при власти. Так что Москва и сегодня может этим делом заинтересоваться. Поэтому у нас все должно быть отработано по полной программе – экспертизы, следственный эксперимент, поиск возможных свидетелей, опрос всех родственников, сослуживцев… Этой самой «предсказательницей» Постниковой поинтересуйтесь повнимательнее. Что их там с погибшим на самом деле связывало?

«Да что там может связывать сторожиху и большую шишку в отставке!» – вздохнул про себя следователь, но промолчал. Он понимал, что прокурору, молодому и много о себе думающему, не дает покоя судьба его предшественника, который ушел на повышение после гремевшего на всю страну дела Ампилоговых. Вот и этот теперь ищет любой повод, чтобы прогреметь да московским начальникам на глаза попасться. Сам следователь был в годах, карьерными мечтаниями уже переболел и потому не мог дождаться, когда же сможет спокойно уйти на пенсию. Но делать было нечего…

Через три месяца дело, несмотря на упрямство и настойчивость прокурора, пришлось прекратить. Экспертиза установила, что старик скончался от острой сердечной недостаточности, случившейся, очевидно, когда он стал захлебываться талой водой, скопившейся на дне ямы. Впрочем, даже если бы сердце выдержало и он сумел поднять голову, заливаемую водой, полученные им раны были несовместимы с жизнью.

Ни свидетелей происшествия, ни каких-либо подозрительных обстоятельств обнаружить не удалось.

Глава 2 Конфабуляция¹

Вот гады, они вынудили его возненавидеть даже Новый год своими лживыми воплями и уверениями, что это самый любимый, самый лучший, самый искренний праздник, и потому ты должен задыхаться от счастья, обязан радоваться, как ребенок и плясать, как дикарь. А главное, что от тебя требуется, – покупать, покупать и покупать. Все равно что, только покупать. Не хочешь радоваться? Да куда ты денешься? Заставим, вынудим, обяжем, принудим. Ишь ты какой – радоваться он не хочет! Ты же не хочешь ощущать себя выродком среди очумевшей толпы? Ты у нас запоешь, гаденыш, задрожишь от счастья, тупой ублюдок. Чечетку пойдешь бить, китайские хлопушки тебе в задницу! Шампанского надуешься до смертной икоты!

Ледников злился на весь мир, но прежде всего на себя. И из-за давно опротивевшего новогоднего камлания, и особенно из-за того, что его опять надули, провели, как глупого пацана.

Вчера вечером позвонил его старинный друг Артем Востросаблин и попросил помочь переехать с дачи, откуда их семейство после смерти отца благополучно вышвырывают вон. И Ледников, у которого был ворох своих вполне неотложных дел, разумеется, согласился. Договорились встретиться рано утром на вокзале, чтобы добираться до дачи по старой памяти на электричке. Как будто он не знал еще со школьных лет, что Артем патологически не способен куда-либо являться вовремя.

В результате Ледников вскочил ни свет ни заря, помчался с гудящей от недосыпа головой на Киевский и провел чуть ли не час в ожидании этого обалдуя среди вокзальной публики, один вид которой вызывал желание впасть в самый страшный грех – грех уныния. Мобильник Артема все это время молчал и врубился как раз в тот момент, когда Ледников окончательно собрался добираться до дачи Востросаблиных один. По голосу Артема нетрудно было догадаться, что, пока Ледников тупо толокся среди вокзальных бомжей, он попросту дрых без задних ног. И вообще, у него, как вдруг выяснилось, еще есть неотложные дела, так что пусть Ледников отправляется на дачу один, благо дорога ему хорошо известна с детских лет. Все это было совершенно в его духе, и еще вечером Ледников был уверен, что так оно и будет, но все равно купился на просьбы и уговоры этого нахала. Даже время его не берет!

В общем, теперь Ледникова раздражало абсолютно все. Промокшие люди в вагоне, от одежды которых валил тяжелый запах. Торговцы какой-то дребеденью, тащившиеся бесконечной чередой по вагону и, разумеется, что-то верещавшие про самый любимый праздник всех времен и народов. Мокрый снег, залепивший стекло. Серая мгла за окном, в которой глаз невольно отыскивал все ту же отвратительную новогоднюю рекламу…

Но очень скоро, когда электричка едва выбралась за пределы Кольцевой автодороги, он вдруг обнаружил, что раздражение его как-то углеглось, пейзаж за окном действует успокаивающе, вызывая в памяти, казалось бы, забытые воспоминания.

¹ Нарушение памяти, проявляющееся в ложных воспоминаниях о событиях, не происходивших в действительности.

Он не был на даче Востросаблиных лет, пожалуй, десять, если не больше. А ведь там прошла чуть ли не вся его юность, в которой Артем был самым близким его другом. Там они пьянистовали, скрываясь от взрослых, отмечали все праздники и дни рождения, туда возили бесконечно менявшихся подруг. Там как-то по-настоящему свирепо дрались с невесть откуда возникшими мрачными детскими, привязавшимися к их девчонкам, которые ходили купаться на пруд.

Да много чего случилось в его прошлой жизни именно там, на даче Востросаблиных!

Николай Николаевич Востросаблин был профессиональным судьей, дослужившимся до членства в Верховном суде. С отцом Ледникова, который сделал такую же впечатляющую карьеру в Генеральной прокуратуре, они были знакомы, но никакого стремления к сближению не проявили. Черт его знает почему! Однажды Ледников спросил отца, знает ли он родителя его лучшего школьного друга Артема Востроса-блина? Тот лишь коротко кивнул и ушел от более подробного ответа.

Был потом еще один разговор на эту тему, когда Ледников уже учился в университете на юрфаке. На сей раз отец без особой охоты сказал о старшем Востросаблине нечто более пространное и неопределенно-снисходительное, из чего можно было понять, что он не в восторге от судебских достоинств и прочих способностей Востросаблина-старшего. Отец даже соизволил пошутить: мол, может, сабля там и вострая, да только этого никто не знает, потому что ее предпочитают не доставать из ножен, в которых она всю жизнь провисела на стене...

Потом Ледников все-таки узнал, что было много уже лет назад одно дело об изнасиловании, связанное с сыном большого человека, первого секретаря какого-то обкома, которым занимался отец. Он все-таки довел его до суда, несмотря на все давление, которое на него оказывали с разных сторон, а Востросаблин уже в суде дело практически развалил. Отец ему этого простить не захотел.

Кстати, человек, который Ледникову об этом рассказал, заметил, что ситуация была, честно говоря, совсем неоднозначная. Отец в ходе следствия выяснил, что сынок-насильник был выдающимся мерзавцем и сволочью, и потому не сомневался в его конкретной вине. А судья Востросаблин посчитал собранные следствием доказательства «недостаточными». Но вообще-то ситуация и вправду была запутанной и неясной. Дело не выглядело чисто уголовным. Там шла борьба двух партийных кланов, и дело развратника-сынка могло сыграть на пользу той или другой стороны. Поэтому Ледникову-старшему не только мешали и всячески препятствовали с одного фронта, но и обещали поддержку и содействие с другого фронта. А судья Востросаблин понимал, что, вынося свой оправдательный приговор, он не только оказывает кому-то услугу, но и заводит себе серьезных недоброжелателей, чьи планы он своим приговором, мягко говоря, не поддержал...

Когда электричка скрылась за поворотом, на Ледникова обрушилась оглушительная тишина, которую не нарушило даже скрежещущее карканье ворон. Затянутая туманом платформа была пуста. Кроме Ледникова, никто тут не вышел.

Кстати, последний раз он был в этих местах вовсе не как гость Востросаблиных. Тогда после ухода из прокуратуры он работал в отделе расследований одного модного еженедельника, и его попросили сделать материал к пятилетию громкого убийства, случившегося тут. Между прочим, совсем недалеко от дачи Востросаблиных.

Дело было громкое, или, как сейчас выражаются, «резонансное». В своей постели выстрелом в голову был убит знаменитый ученый, академик, депутат Ампилогов. В убийстве призналась его жена.

Тут же забурлили политические страсти и дрязги, потому что академик был не только большим ученым, но и известным оппозиционером действующей власти, человеком левых взглядов и в последнее время больше занимался не наукой, а расследованием всяких грязных

дел и скандалов, связанных с миллиардными суммами. Ну и понеслось! Шум и треск на весь мир. Однако прокуратура настояла на своем, и жену академика осудили.

Ледников приехал на дачу Ампилоговых с фотографом и, пока тот носился по дому, где уже жили другие люди, думал не столько об убийстве, сколько о собственном прошлом, которое представлялось теперь столь замечательным и необыкновенным, что дух перехватывало.

Что же касается убийства... Ледников по собственному следственному опыту слишком хорошо знал, что между мужем и женой может произойти все, что угодно, а от любви до испепеляющей ненависти там действительно один шаг или одно мгновение. Несложившаяся, опостылевшая или вдруг развалившаяся семейная жизнь способна довести до самых крайних поступков. В редакции поворчали, что нет намеков на сенсацию – то, что жена после тридцати лет совместной жизни стреляет в голову спящему мужу, для них уже сенсацией не являлось, им требовалась политика, – но материал все-таки напечатали.

От станции до дачи Востросаблиных было минут десять ходьбы, но Ледников добирался по лужам и колдобинам чуть ли не полчаса. Вокруг было мокро, черно, с деревьев лило, как во время дождя. И ни одного такого же бредущего, как и он, своим ходом человека, только грязные иномарки проносились мимо, поднимая клубы брызг.

Калитка у Востросаблиных была почему-то распахнута. Подумав, Ледников закрыл ее и по узкой асфальтовой дорожке, плитающей среди черных кустов, направился к двухэтажному деревянному дому. Дом этот в былье времена представлялся ему огромным и внушительным, а теперь, потемневший и словно осевший от времени и сырости, вдруг показался заброшенным и несколько даже жалким на вид.

В нескольких шагах от дома стоял хорошеный, как стильная дамочка, японский джип. Судя по тому, что Ледников знал о жизни семейства Востросаблиных в последние годы, вряд ли кто из них мог позволить себе такое авто. Значит, кроме него, будут еще посторонние?

На открытой веранде кто-то сидел на старом кресле, которое раньше, как помнил Ледников, стояло в большой комнате перед телевизором, и курил. В туманном сумраке декабрьского утра он даже не сразу разобрал, что это женщина.

И только уже поднимаясь по крыльцу, вдруг понял, что это Гланька. Собственной персоной. Сама Аглая Востросаблина! Теперь ясно, чей это джип стоит у ворот.

Ледников знал Гланьку, дочь Андрея Востросаблина, старшего брата Артема, совсем еще девчонкой, в одних трусишках носившейся летом по двору дачи. Она вечно вертелась под ногами и сильно мешала им с Артемом заниматься собственными увлекательными делами вроде просмотра по видеокассете жуткой немецкой порнографии или уничтожения запасов баночного пива судьи Востросаблина. У Андрея Востросаблина вечно были проблемы с женами – он то ссорился с ними и разводился, то мирился и ублажал поездками к морю, – и потому Гланьку в те годы отправляли на дачу, едва наступало первое тепло. Артема это просто бесило – из-за семейных дрязг старшего брата дача всегда была занята.

Но с тех пор прошло много лет, неприкаянная девчушка превратилась сначала в самоувренную девицу поколения next, а потом и в знающую себе цену великосветскую львицу, унаследовавшую от отца постоянную охоту менять свое семейное положение. Ледников эти годы видел ее лишь изредка. Только слышал иногда от Артема про весьма смелые и неординарные подробности ее буйной жизни – вроде учебы в Лондоне, свадьбы с модным художником-авантюристом, переезда в Питер, победительного пребывания в кругу тамошней богемы, а потом возвращения в Москву уже без мужа... Тем не менее она так и осталась для него Гланькой, вертлявой девчонкой с огромными темными глазами, бегающей по двору и подглядывающей из кустов за взрослыми.

Зато последнее время Ледников видел Гланьку уже регулярно, каждую неделю – она вдруг объявилась на телевидении и стремительно превратилась в звездную ведущую одного из

бесчисленных ток-шоу Аглаю Востросаблину. И, надо признать, по делу. В отличие от многих других ведущих, она не выглядела самодовольной идиоткой, умела слушать, у нее был свой стиль, скорый на расправу язычок, так что она сразу запоминалась. И через какое-то время Ледников с изумлением вдруг поймал себя на том, что горячо объясняет про себя некие весьма личные и важные для него вещи не кому иному, как... Гланьке!

Она вдруг стала его тайным собеседником, с которым ему хотелось разговаривать. При этом он не предпринимал никаких усилий, чтобы встретиться и поговорить с ней на самом деле. Это ему даже в голову не приходило. Потому что заранее знал – ничего хорошего из этого не выйдет. Да и не собирался он предстать перед вчерашней соплюшкой старым размякшим дураком. И вообще, реальные, а не виртуальные разговоры с Гланькой ему были вовсе и не нужны. Потому что в принципе были это все те же разговоры с самим собой. Только вот в такой извращенной форме. Мало ли кого мы выбираем в воображаемые собеседники, убедившись, что никто из настоящих людей понять тебя не способен.

– Господи, а я уже думала, что не дождусь! – усмехнулась Гланька, поворачиваясь в его сторону. – Привет!

Выглядела она, как и подобает телезвезде, весьма впечатляюще.

– Здравствуй, – растерянно сказал Ледников. – А ты тут чего делаешь?

Вопрос был, конечно, грандиозный по смыслу.

– А живем мы тут! – засмеялась Гланька. – Вернее, жили. Или забыл?

– Да нет, не забыл. Как раз шел и вспоминал, как ты вокруг нас кругами ходила, когда мы пиво дули. Из-за кустов подглядывала!

– Ну и подглядывала! – ничуть не смущилась она. – А помнишь, ты меня на руках нес, когда я ногу ржавым гвоздем распорола? У меня шрам так и остался...

– К Кашпировскому не обращалась? Может, рассосется? – натужно сострил Ледников.

Признаться, он не понимал, как с ней себя держать. На равных? Делая вид, что не замечает разницу в возрасте? Что между ними ничего общего?

– Да ну его, этого Кашпировского! А потом, может, мне этот шрам дорог как память?

Гланька затянулась еще раз и выбросила сигарету на снег.

У Ледникова возникло странное ощущение, что Гланька что-то недоговаривает – то ли скрывает, то ли не решается сказать. И вообще она тут с некоей целью. Все-таки появление ее выглядело странным. Артем часто говорил, что и сам видит ее лишь по великим праздникам, а уж у бабушки внучка не появлялась уже несколько лет. И вот на тебе – явление девы народу! Неужели родственные чувства взыграли? Не очень-то на нее похоже...

Гланька встала, подняла руки вверх и сладко, хищно потянулась. Она была высокая. Даже в мягких сапожках без каблуков едва ли не одного роста с Ледниковым.

Еще раз внимательно оглядев Ледникова, она милостиво разрешила:

– Ну, иди поздоровайся с бабушкой и отцом. Может, ты их немного успокоишь. А то они с утра завелись – где Артем со своим дружком? Опять они нас подводят! Кстати, они жаловались, что уже и не помнят, как ты выглядишь. Ведь они тебя несколько лет не видели. Нехорошо, Ледников, забывать старых друзей. А я пройдусь, пока вы там будете предаваться воспоминаниям.

Гланька говорила так, будто имела на Ледникова какое-то право, совершенно несомненное и им самим ничуть не оспариваемое. С чего бы это? Как будто и впрямь между ними была некая тайная связь. Но ведь ничего не было! Уж в этом он мог поклясться перед кем угодно!

Пройдя несколько шагов, Гланька обернулась.

– Хорошо, что ты приехал, будет хоть один нормальный человек в этом сумасшедшем доме.

– У вас тут что-нибудь случилось?

– У нас тут теперь коллективная мания преследования началась. У всех, вместе взятых. Мы же дружная семейка – все делаем сообща. В том числе и сходим сума. Нам всем кажется, что за нами следят с неведомой целью какие-то злодеи.

– Тебе тоже? – недоверчиво хмыкнул Ледников.

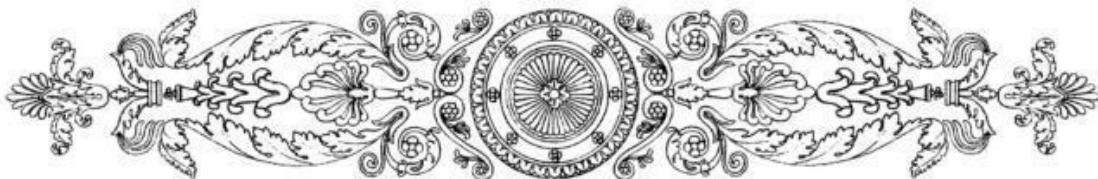
– А что же, я не Востросаблина, что ли?.. – расхохоталась Гланька в ответ. – Кстати, это не шутки. Бабуле теперь все какие-то привидения мерещатся. То ли тени забытых предков, то ли незнакомые мужики с револьверами. То во дворе появляются, следы оставляют, то в окно заглянут... Ужас, Ледников, мрачный ужас! Бабуля уже не может здесь спать. От страха. Ее трясет всю.

– А ты? – поинтересовался Ледников. – Ты спать можешь?

– Я? – задумалась Гланька. – Это смотря с кем...

Потом она послала Ледникову воздушный поцелуй – и надо сказать, этот пошловатый жест в ее исполнении не вызвал у него никакого возражения, – и последовала дальше. И больше не обернулась.

Глава 3 Агната²

Ледников вошел в дом. На даче было странно тихо. В комнатах на первом этаже даже свет не горел. Только в коридоре. И ничего не говорило о том беспорядке, который сопровождает всякий переезд. Лишь на втором этаже слышались какие-то стуки и голоса. Наверное, Андрей и Виктория Алексеевна ссорятся из-за Артема, подумал Ледников. Он – несет брата на чем свет стоит, а она мужественно, несмотря ни на что, защищает своего младшего сына.

Ледников снял куртку, повесил ее на вешалку. И опять подумал о Гланьке. Вот странная встреча! Она вела себя так, будто это она старше его на много лет. Вообще, право вести себя так с мужчиной женщине обычно дает любовь – она любит, и потому ей все дозволено. Но Гланька, с которой у него никогда ничего не было, с которой они виделись-то в последние годы всего ничего! Правда, может, она тоже все эти годы вела с ним виртуальные разговоры?! Может, и у нее есть пристрастие к подобным занятиям?

– Я тебя умоляю, не надо!.. Погоди!

Испуганный крик Виктории Алексеевны прервал его сентиментальные размышления. Наверху, в кабинете, двигали что-то тяжелое, роняли, потом раздался звон бьющегося стекла...

– Господи, что ты делаешь! Ну, зачем? Зачем? – отчаянно воскликнула наверху Виктория Алексеевна.

И тут что-то тяжко ухнуло и покатилось по лестнице.

А потом наступила тишина.

Ледников не знал, что делать. Наверху, судя по всему, шло какое-то тяжелое выяснение отношений, присутствовать при котором ему было ни к чему. Может, чтобы обнаружить себя, начать топать ногами? Или закашлять?

– Да пропади он пропадом! – донесся раздраженный донельзя голос Андрея. – Нельзя тащить с собой все. Хоть от чего-то нужно избавляться? Хоть от чего-то!

– Конечно, ты бы избавился от всего. Будь твоя воля!

– Моя воля! Будь моя воля! – с тоской произнес Андрей.

Разговор, как это обычно водилось в семействе Востросаблиных, стремительно приобретал такой накал, что вмешиваться в него было неуместно. Поэтому Ледников молча стоял внизу в ожидании момента, когда можно будет все-таки обнаружить себя. Одновременно он думал о том, что посторонние никогда не мешали выяснять отношения самим Востросаблиным. Они, посторонние, их ничуть не смущали.

– Сколько надо ждать твоего сына с его другом, которые обещали нам помочь?

Ну, вот, подумал Ледников, теперь еще благодаря Артему он оказался в подлецах, вовсе не желая того.

– Уже одиннадцать часов. Нет, ну сколько можно быть таким идиотом?! Я же заранее знал, что все так и будет. Он даже на похороны бабки сумел опоздать. Бабки, которая любила

² В римском праве все члены семьи, происходящие по мужской линии от одного родоначальника.

его больше всех. И он знал это. И пользовался этим всегда, деньги выпрашивал. А на похороны опоздал. Нашлись дела поважнее!

– Он твой брат, между прочим.

– Да ну? Что ты говоришь?

«Господи, хорошо-то как», – вздохнул Ледников. Словно на двадцать лет назад вернулся. Они по-прежнему выясняют отношения между собой по-сицилийски шумно и бесцеремонно. Видимо, сказывалась добрая доля южной крови, которая была в Виктории. Как это было не похоже на нравы семейства Ледниковых! У них, у Ледниковых, просто неловкое слово, чуть раздраженная интонация, неловкий жест становились поводом для долгих обид и осуждающего многодневного молчания.

Ледников, решив, что подслушивать дальше уже нехорошо, хлопнул входной дверью и затопал ногами. Виктория Алексеевна тут же появилась между двумя пролетами лестницы.

– Артем, ну как так можно! Ты нас до инфаркта доведешь! – радостно говорила она. Очевидно, подумала, что большой ссоры между сыновьями удастся избежать, и потому у нее явно отлегло от сердца. Она обладала способностью моментально впадать в панику и столь же быстро забывать неприятности.

Увидев Ледникова, она воскликнула:

– И вы приехали, Валя! Я так рада. А где Артем?

– Он добирается сам, Виктория Алексеевна, своим ходом, – пустился в объяснения Ледников. – Скоро будет…

– Ну, я так и знал!

Андрей осуждающе смотрел на него из-за плеча Виктории Алексеевны. Они всегда были очень похожи, в Андрее сильно чувствовалась южная кровь матери – тонкие черты лица, нос с горбинкой, природная смуглota, пластиичность, эмоциональность… Зато Артем своим округлым лицом и тяжелой дородной фигурой был весь в отца.

С Андреем у Ледникова никогда не было особенно близких отношений. Для Андрея Ледников был приятелем младшего брата, и только. Одиннадцать лет разницы в возрасте – непроходимая пропасть. Когда Ледников и Артем еще изнывали под гнетом проблемы расставания с девственностью, Андрей уже много лет жил жизнью, для них совершенно неведомой, – жены бывшие и настоящие, алименты, разводы, замужние любовницы, любовницы с детьми, дочь Гланька… Это был иной мир, о котором они тогда не имели никакого представления.

К тому же Андрей всегда был «старшим сыном» – надеждой и гордостью, продолжателем традиций, будущей опорой семьи. В отличие от Артема – позднего ребенка, которого всячески баловали, но от которого ничего особенного и не ждали.

– Даже друзья приезжают раньше твоего сына! – с удовлетворением сказал Андрей, увидев Ледникова. – Здорово, Ледников! Ну и дружки у тебя!

– Какие есть, – отшутился Ледников.

– Спорим, что он вообще не приедет? – саркастически предложил Андрей матери. – Или явится, когда другие уже все сделают за него?

– Что за глупости ты говоришь! Он сейчас будет, – упорствовала Виктория Алексеевна.

Вот что она всегда умела, так это упорствовать, подумал Ледников. Причем делать это по-детски – отчаянно и непонятно зачем, когда для других уже все очевидно, когда все тайны разоблачены, а следы обнаружены. Но она могла быть и другой – в ней иногда просыпалась богатая, властная дама, какой она была в лучшие годы их жизни с судьей Востросаблиным.

Виктория Алексеевна стояла у окна на кухне. Не было никаких сил что-то делать. В который уже раз после смерти мужа на нее навалились беспроблемное отчаяние и физически ощущимый страх перед будущим. Одна из подруг, которой она призналась в этом, вдруг принялась утешать ее какими-то дикими доводами. Мол, тебе тяжело, но тебя все жалеют, потому что

ты – жертва. И это всем понятно. Никому ничего не надо объяснять, доказывать, все и так на твоей стороне. Жертвам всегда сочувствуют, их жалеют, им есть чем утешаться. Зато сыновья и внутика теперь всегда будут с тобой... Внучка! Внучка, которую она давно уже видит только по телевизору, пожаловала вовсе не для того, чтобы помочь, а по каким-то своим делам. Ей что-то понадобилось в старых бумагах Николая Николаевича... Наверное, что-то можно куданибудь продать. Или скандал устроить. Она же теперь деятель телевизионных искусств, а они скандалами и живут. Почему-то про Ампилоговых спрашивала... Даже вспомнила, что Николай Николаевич был с Ампилоговым знаком, несколько раз они были у них на даче. Слава богу, из-за болезни Николая Николаевича они не смогли пойти тогда на день рождения Ампилоговой, после которого ночью все и произошло...

Потом, когда случился весь этот ужас, она никак не могла себе представить, как это можно – застрелить спящего мужа, с которым прожила целую жизнь. И остаться одной. Видимо, жена Ампилогова просто не представляла себе, что такое остаться одной!

Тут неожиданно появилась Нюра.

Нюра была кем-то вроде местной сторожихи и коменданта одновременно, дачники обращались к ней по любому вопросу. Виктория Алексеевна помнила ее с тех пор, как появилась дача. Нюра последние годы вечно ходила в телогрейке и сапогах. Платок она очень низко надвигала на самые глаза, и потому понять, какого Нюра возраста, было трудно. Виктории Алексеевне казалось, что Нюра за все эти годы ничуть не изменилась, хотя ее дочка, об отце которой никто ничего не знал, за это же время превратилась из белобрыской девчонки в красавицу. В поселке о ней ходили самые разные слухи. Дачники прозвали Нюру за грубую откровенность «глас народа». Но при всей грубоости и непреклонности Нюра была незлой и на все просьбы охотно откликалась. В семействе Востросаблиных все, кроме Виктории Алексеевны, включая Гланьку, обращались к ней на «ты». Даже Валя Ледников научился этому у Артема.

– Здравствуйте, Нюра! – негромко сказала Виктория Алексеевна. – А мы вот уезжаем.

– Виктория Алексеевна, вы, что ли? – не сразу признала ее Нюра. – Что вы в угол-то темный забились? Вас и не узнаешь сразу.

– Ну, скоро вы нас и вовсе забудете, – грустно пошутила Виктория Алексеевна.

– Может, кто и забудет, только не я, – серьезно ответила Нюра. Она вообще шутки не любила и не понимала. – И почему вас забывать – не покойница же еще!

– Еще! – с выражением повторила Виктория Алексеевна.

– Вы вон какая еще... дама! – наконец нашла подходящее слово Нюра. – Представительная! Любо-дорого посмотреть.

Виктория Алексеевна невольно улыбнулась:

– Представляю себе.

– Виктория Алексеевна, ну чего вы убиваетесь-то так? Ну, дачу отняли... Так что, вам жить негде? Люди есть, которые всю жизнь без дач живут... Я же вам говорила: приватизировать надо, сейчас все приватизируют. Не послушали вы меня.

– Не разрешили нам, Нюра, не дали.

Нюра помолчала, осуждающе поджав губы.

– Выходит, кто-то на нее уже глаз положил, кому-то ее отписали. Тут так просто теперь ничего не делают. Или начальству, или нужному человеку, или – за деньги.

Виктория Алексеевна, сбитая с толку новыми обстоятельствами, которые открыла ей Нюра, молчала. Известие, что с дачи их выгоняют не потому, что так положено, а потому, что есть люди, которые этого хотят и добиваются, почему-то ужасно поразило ее.

– А хорошо, что у вас статуя Николая Николаевича есть, – заметив ее смятенность, утешительно сказала Нюра. – Память какая-никакая...

– Статуя? – удивилась Виктория Алексеевна. – Какая статуя?

– Ну, белая такая, большая. Целый памятник.

– А-а, бюст...

– Он в квартире-то у вас поместится?

– Да вот не знаем... Для квартиры он вроде великоват... – стала чуть ли не извиняться Виктория Алексеевна.

– Но ведь не выбрасывать же такую вещь? – строго осведомилась Нюра. И посмотрела на Викторию Алексеевну подозрительно.

Та моментально смущилась и принялась оправдываться:

– Ну, конечно, что вы! Мы вот и сами... думаем...

– А чего тут думать? Не выбрасывать же. Ну, пошла я...

Оставшись одна, Виктория Алексеевна какое-то время неприкаянно ходила по комнате, а потом подошла к большому стенному шкафу и, решительно вздохнув, распахнула дверцу. Из темной глубины на нее уставился пустыми глазами громадный белый бюст пожилого мужчины. Выглядел он нелепо и жутко одновременно.

Виктория Алексеевна смотрела на него как завороженная.

Тут в комнату вошел Андрей. Увидев мать перед шкафом, он тяжело вздохнул.

– Так я и знал! – пробормотал он.

Не отводя взгляда от бюста, Виктория Алексеевна задумчиво произнесла:

– Представляешь, оказывается, нас так срочно выгоняют отсюда, потому что наш дом уже кому-то отдали! Мне Нюра сказала.

– Ну и что! – отмахнулся Андрей. – Мало ли мерзавцев и сволочей?! О каждом думать! Дом могли продать какому-нибудь олигарху! Хотя для олигарха это халупа! Ну да снесет и построит на этом месте замок с башенками. Плевать!

– Снесет... – завороженно повторила Виктория Алексеевна. – А знаешь, пусть лучше снесет! Мне так будет легче. И вообще, мне теперь здесь жутко как-то... Ты не веришь, что за нами кто-то следит, а я чувствую. Чувствую! Я уверена, что в вещах кто-то копался в наше отсутствие. Все перевернуто.

– Как ты могла это заметить в нынешнем бардаке? – скривился Андрей.

Но Виктория Алексеевна не слышала сына, погруженная в свои страхи.

– Я только не могу понять, что они ищут? Зачем? Что им от нас надо?

Андрей досадливо поморщился.

– Господи, мать, кому мы нужны! Следят за ней! Не морочь мне голову! Что я, не знаю, о чём ты на самом деле думаешь?

В ответ Виктория Алексеевна демонстративно обиделась.

– Ну и о чём?

– Тоже мне бином Ньютона! – скривился Андрей. – Ты думаешь только о том, что нам делать с этим дурацким памятником. И уже наверняка напридумывала всякой мистики. Мол, этот идиотский идол каким-то непостижимым образом связан с памятью об отце! Что нам нельзя его оставлять тут!

– А ты хочешь уехать, а его оставить здесь. Просто оставить. Бросить. Забыть. Чтобы его выбросили на свалку и лили на него помои... Он будет лежать в грязи, под ногами у всех, и каждый сможет плюнуть на него!

– Мама!

– Ты боишься сказать это, потому что это будет очередное предательство! Ты опять предашь отца!

Андрей сцепил зубы.

– Мать!

– Предательство! Предательство! И когда ты ушел с работы – тоже было предательство... – захлебывалась и тонула в собственных словах Виктория Алексеевна. Она понимала, что наговорила лишнего, ненужного, и потому боялась теперь остановиться. – Все на него

набросились, на него сыпались страшные обвинения, а сын в это время написал заявление об увольнении по собственному желанию...

– А что я мог сделать? – взорвался Андрей, который вовсе и не желал вступать в этот бессмысленный, рвущий душу разговор. – Я был тогда пешкой. Жалкий консультантишка!.. Да он и не слушал, что я ему говорил. Он не хотел понимать, что происходит, к чему все идет! Он связался не с теми людьми! С людьми не просто нерукоподатными, но и причастными к преступлениям! Что ты знаешь об этом? Предательство! Он не оставил мне другого выхода. Мы по-разному смотрели на все и на всех!

– Ты был его сыном. Он ждал от тебя хотя бы понимания.

– Я тоже ждал понимания! От него. Потому что он был моим отцом.

– Ты вел себя, как посторонний, ты просто не хотел иметь с ним ничего общего...

– Мама! – взмолился Андрей. – Ты ничего не знаешь, а судишь!

– А потом... Потом его убили!

– Мама, это был несчастный случай! Понимаешь – несчастный случай!.. У него не выдержало сердце! Я читал акт экспертизы! Я видел его собственными глазами!

Но Виктория Алексеевна уже не слышала его. Рыдания буквально сотрясали ее.

– В яме! Он лежал в этой ледяной яме один... Его столкнули туда! И никого из нас не было с ним рядом!

– Зачем, мама? Зачем мы сейчас об этом говорим? Почему именно сегодня?

– А сегодня такой день, – неожиданно сухо сказала Виктория Алексеевна. – Особый. Нас выгоняют из дома, где прошло твоё детство, где вырос твой брат, умерла твоя бабушка, погиб твой отец...

Андрей стоял и молчал, тяжело дыша. Он знал, что говорить что-то, объяснять совершенно бессмысленно. Мать просто не слушает его. И потом эта овладевшая ею в последнее время уверенность, что отца кто-то убил, специально спихнул в проклятую яму!

Виктория Алексеевна обессиленно притихла.

Слышно было только, как наверху Ледников двигает что-то.

– Мне страшно, Андрюша! Что с нами будет? – тихо спросила Виктория Алексеевна. Она уже жалела, что опять не сдержалась, и чувствовала себя виноватой.

– Помнишь, бабка говорила: «Живым в могилу не ляжешь, хотя и впору уже», – пожал плечами Андрей. По его интонации было понятно, что обижаться на мать он не намерен.

– Ну, утешил! – рассмеялась Виктория Алексеевна, довольная, что сын простил ей вырвавшиеся упреки. – Ты как скажешь, так и не знаешь – плакать или смеяться?

– Смеяться, мать. Если выбор такой, то только смеяться!

Андрей хотел обнять мать, чтобы успокоить ее окончательно, но лицо Виктории Алексеевны вдруг исказилось от ужаса.

– Что с тобой? Чего опять случилось? – мгновенно раздражаясь, спросил Андрей.

– Там, в окне... – всхлипнула Виктория Алексеевна. – Кто-то смотрит! Опять эти люди!..

Андрей машинально оглянулся, взглянул в окно, за которым ничего не было, кроме туманной муты, и тяжело вздохнул.

– Ну, мать, ты даешь! У тебя уже глюки от переживаний пошли. Успокойся ты, ради бога, а то нас всех отсюда прямо в Кащенко отвезут!

Виктория Алексеевна виновато опустила голову.

Андрей обнял ее за плечи и увел из комнаты. А белый бюст смотрел из темноты пустыми глазами на погром в доме.

Глава 4

Психологическая аутопсия³

Ледников, разбиная тяжеленную советскую мебель, срубленную из натурального дерева, а потому совершенно неподъемную, уже на втором часу работы запростила пощады и отправился вниз – перевести дух и хлебнуть воды. Виктория Алексеевна, в какой-то прострации сидевшая на диване, принесла ему с кухни чаю. Потом принялась бесцельно и беспокойно ходить по комнате. Иногда она бросала на него быстрые взгляды и печально улыбалась. Видимо, она хотела ему что-то поведать, но никак не могла решиться.

Ледников понимал, что надо сказать ей что-то ободряющее, успокаивающее, но ему ничего не приходило в голову. Он представлял, что она сейчас переживает. У нее отнимают последнее, что осталось от мужа. А ее сыновья, которых она умоляла бороться и любой ценой сохранить этот дом, чтобы она могла умереть там, где умерли ее мать и муж, ничего не смогли сделать.

– Знаете, Валя, – вдруг тихо сказала Виктория Алексеевна, – моя мама несколько лет просидела вот у этого окна – она уже не могла ходить, как раньше говорили, обезножела… Вы ее помните?

Ледников виновато покачал головой.

– Галину Евграфовну? Нет, я ее уже не застал.

– Странно, а я думала, вы появились у нас, когда она была еще жива… Так вот, один раз она сказала мне: «Смотри, как раскачиваются сосны под ветром – как маятник. Отмеряют мою жизнь». А теперь они отмерили и мою. Почему-то здесь вдруг все стало другое… Даже эти сосны. Даже воздух. Мне теперь тут страшно, представляете? В собственном доме – страшно! Особенно в последние дни.

– Почему? – спросил Ледников. – Вас пугает что-то конкретное? Реальное?

– Мерещится, что за нами следят, – как-то виновато сказала Виктория Алексеевна. И невольно взглянула в сторону окна. – Кажется, что какие-то люди прячутся за деревьями на участке. А когда в доме никого нет, они копаются в наших вещах и что-то ищут. Но ничего не берут. Мне теперь даже жутко выходить из дома.

– Виктория Алексеевна, так все-таки мерещится, или вы видели кого-то на самом деле? – с легкой усмешкой, чтобы как-то снизить накал разговора, спросил Ледников.

– Конечно, видела, я же еще не окончательно сошла с ума! Хотя Андрей и называет меня теперь сумасшедшей. Валя, вы понимаете, мне никто не верит, – как-то обреченно сказала Виктория Алексеевна и слабо махнула рукой. – Андрей говорит, кому за нами следить? Зачем? Артем отмахивается, Гланька смеется… Может, я действительно просто схожу с ума? Как вы считаете, я уже окончательно похожа на сумасшедшую?

³ Реконструкция жизненных обстоятельств, внутреннего мира и душевного состояния человека накануне преступления. В отличие от аутопсии медицинской (вскрытие тела), может быть определена как «вскрытие души».

Ледников неловко улыбнулся. А что еще можно сделать, когда слышишь такой вопрос? Но оказалось, Виктория Алексеевна припасла для него еще одну новость, не менее сногсшибательную.

– Знаете, – тихо, чтобы никто, кроме Ледникова, ее не слышал, сказала она, – я давно убеждена, что Николай Николаевич упал в эту яму не сам... Но меня никто не хочет слушать.

Виктория Алексеевна испытующе посмотрела на Ледникова, который постарался оставаться спокойным.

– Не сам? А-а?..

Он пребывал в растерянности. Виктория Алексеевна была всегда ему очень симпатична, он относился к ней даже с нежностью, но всерьез воспринимать то, что она сейчас говорила... Николай Николаевич Востросаблин скончался в результате нелепого несчастного случая, которые часто случаются с людьми в возрасте. Такова была официальная версия. И в ней никто не сомневался. Наверняка обстоятельства смерти тщательно расследовали и ничего подозрительного не нашли. Поэтому даже в самых желтых газетах не было ни слухов, ни сплетен.

– Его туда столкнули! В эту яму! – негромко, но убежденно сказала Виктория Алексеевна, испуганно оглядываясь. – Мне никто не верит, говорят, что следствие все установило. Но я чувствую! Я чувствую, что с ним что-то было не так!

Тут зазвонил телефон, и одновременно в комнату тяжело ввалился Артем.

И принялся немедленно орать, чтобы мать не успела напасть на него первая. Ледников давно уже знал его манеры наизусть – нашкодить, подвести, а потом первым обрушиться с бессмысленными упреками на человека, перед которым виноват.

– Вы что, ненормальные? – бушевал Артем. – Оглохли? Телефон надрывается, а они чай распивают!

С подчеркнутой озабоченностью и деловым видом он схватил трубку.

«Эк тебя, милый друг, разнесло», – подумал Ледников.

Артем действительно выглядел неожиданно отяжелевшим, лицо его расплылось, обвисло и сделалось совсем широким и квадратным. К тому же он громко сопел, словно задыхаясь.

– Алло, да, да! Ах, вот оно как! Вы что – раньше сказать не могли?

Когда он наконец положил трубку, Виктория Алексеевна все-таки сделала жалкую попытку устроить ему выволочку.

– Где ты пропадаешь? Андрей в ярости. Почему ты не ночевал дома? Где ты был? Ты же сказал, что будешь ночевать дома?

– Мать, я должен сообщить тебе нерадостное известие!

– Боже мой! – сразу перепугалась Виктория Алексеевна. – Твоя жена опять что-то задумала? Я так и знала!

– Дело тут не в жене... Успокойся ты, ради бога.

– Нет, ты ненормальный. Через час приедет машина, а у нас еще ничего не готово!

– Ах, машина... Какая машина? – дурашливо спросил Артем. – Машина будет после обеда. В лучшем случае.

– Может, у кого-то машина будет после обеда, а у нас – через час, – непреклонно сказала Виктория Алексеевна. – И не морочь мне голову.

– Звонили, между прочим, из конторы. Сказали, что машина ушла утром в другой поселок, а по дороге сломалась. Сейчас ремонтируется. В лучшем случае будет после обеда. Так что отбой, граждане! Перекур!

Виктория Алексеевна на мгновение замерла, а потом отчаянно воскликнула:

– Андрей!.. Андрюша!

«Ну, вот, – подумал Ледников, – сейчас начнется самое интересное. Остается надеяться, что обойдется без кровопролития. Как бы не пришлось спасать Артема от его собственного брата, особенно если тот явится с молотком».

Андрей появился не с молотком, а с большим зеркалом от старинного трюмо в руках. Проходя мимо Артема, он чуть не сбил его зеркалом с ног.

– Убить же можно, ненормальный! – не выдержал Артем, отскакивая в сторону.

Но Андрей даже не взглянул на него.

– Ну что еще? – повернулся он к матери, прислонив зеркало к стене. – Можно спокойно заниматься делом? Машина через сорок минут…

Виктория Алексеевна с ужасом и жалостью посмотрела на него.

– Машина будет только после обеда, – обреченно сказала она. – В лучшем случае. Она уехала куда-то, а потом сломалась, и теперь ее чинят… И ничего теперь не известно!

«Бедная Виктория Алексеевна», – подумал Ледников, – она чувствует себя, как всегда, во всем виноватой».

– Сейчас я им устрою! – немедленно взвился Андрей. – Сломался! Чинят! Потом будет темно! Знаем мы эти штучки! Сломался! Мозги у них сломались! А починить некому!

Он несколько раз набрал номер, а потом раздраженно швырнул трубку.

– Никто не подходит! Все как обычно! Отвечать некому. У них всегда так. Совок был, совок и остался!

– Полный маразм, – поддакнул Артем, решивший, что новые неприятности заставят брата забыть о его собственной вине.

Но старший брат не собирался прощать его вот так вот просто.

– Маразм – это договариваться с тобой! О чем бы то ни было!

И тут в комнату вошла Гланька, свежая и разрумянившаяся после прогулки. Она понимающим взглядом обвела картину надвигающегося побоища и молча села рядом с Ледниковым. Теперь они наблюдали за этим ристалищем вдвоем. То ли как олимпийские боги, то ли как мудрые китайские обезьяны, наблюдающие с высоты битву тигра с драконом.

– Вы же слова не даете сказать, – стал оправдываться Артем. – Больные какие-то! Мне пришлось ночевать у Светки…

Это заявление произвело сильное впечатление на всех. Андрей и Виктория Алексеевна на какое-то время застыли, не в силах сказать ни слова. Гланька скривила удивленную гримасу. Даже Ледников невольно вздохнул.

Наконец, с поразившей Ледникова до глубины души наивностью Виктория Алексеевна спросила:

– Неужели тебе не с кем переспать, кроме твоей бывшей жены?

Было видно, что известие ее просто сразило.

– А что такого? Что такого необычного в том, чтобы переночевать у собственной жены? – с наигранным простодушием спросил Артем, который сразу понял, что удар нанесен такой, что о других его грехах уже никто и не вспомнит.

Гланька оценила его ход и пару раз демонстративно хлопнула в ладоши.

Светка, жена Артема, была в последние годы проклятием семьи Востросаблиных. Смазливая, но недалекая, злобная и лживая оторва, к которым почему-то всегда тянуло Артема, она отравляла им жизнь с неустанным усердием и нескрываемым удовольствием. Особенно она разошлась после смерти Николая Николаевича. Какое-то время Виктория Алексеевна попыталась жить вместе с сыном и его женой в одной квартире и поняла, что такое адские муки. Светка изводила ее откровенно, ничего и никого не стесняясь. Как раз именно тогда Ледников практически и перестал бывать у Востросаблиных – не мог видеть, как эта злая до невменяемости зура издевалась над несчастной Викторией Алексеевной.

Несколько раз он говорил об этом с Артемом, но тот лишь отмахивался: «Мать, знаешь, тоже хороша! Она тоже кого хочешь довести может. Кто их там разберет!» Самое поразительное, что и Андрей повел себя так же – предпочел «не встречать». Сыновья, занятые собой, оставили свою мать.

Викторию Алексеевну было безумно жалко. Но что мог сделать тогда Ледников? Он мог только выслушивать рассказы Виктории Алексеевны о том, как невестка кричит по телефону на всю квартиру, что не дождется, когда, наконец, эта старая б... сдохнет и освободит квартиру! Или о том, как грозит ошпарить ее кипятком!..

Потом он, конечно, еще пытался говорить с Артемом, но каждый раз слышал в ответ, что обе они, жена и мать, хороши, и он не собирается разбираться в их дрязгах!

В конце концов до Артема правда дошло, что дело может принять совсем уж скверный оборот, и Светка вернулась жить в свою квартиру, но до развода не дошло. Артем ночевал то у жены, то дома, а Виктория Алексеевна убеждала себя, что долго так продолжаться не может и вот-вот он бросит это чудовище окончательно. Даже уже бросил. Она почти убедила себя в этом. И вот он пожаловал с этаким известием.

– Во-первых, как тебе известно, мы не разведены, – напомнил Артем матери. – А во-вторых, она ждет ребенка...

– От кого? – спросила ошарашенная Виктория Алексеевна.

– Мать, что за вопрос?

– Так ты у нее бывал все это время?!

– Ну, бывал. А что такого?

– После всего, что она говорила о твоем отце?! После всего, что она вытворяла со мной?

– Мама, ну мало ли что бывает в семейной жизни? – беспечно махнул рукой Артем.

– Ребенок... – зачарованно произнесла Виктория Алексеевна. – И ты еще говоришь, что дело не в ней. Значит, теперь она вернется к нам?

Виктория Алексеевна неожиданно встала и, не глядя ни на кого, вышла из комнаты.

– Ну, дядя, ты, блин, даешь! – засмеялась Гланька. – Порадовал!

Тут и Андрей пришел в себя.

– Ты же ее просто убил! Другого дня не нашел? Она же Светку твою не переносит. Они же не могут жить вместе! – яростно прошипел он.

Но Артем уже окончательно пришел в себя и не собирался отступать.

– А твою супружницу она переносит?! С ней она жить вместе может? Тогда давай поменяемся. Вы будете жить с ней, а я отдельно. Устраивает? Я тебе давно предлагаю.

– Ты же знаешь! – бессильно пробормотал Андрей.

– Что я знаю? Я знаю, что она, между прочим, и твоя мать. Так что давай – решай. Ты же теперь у нас глава семьи. Прямо вождь и учитель. Сэнсэй и аятолла в одном флаконе! Давай, вперед!

– Идиот! – словно от зубной боли простонал Андрей.

Артем и не думал обижаться. Он прекрасно понимал, чьи позиции сильнее в этом споре.

– Что, испугался? Страшно? Ага!

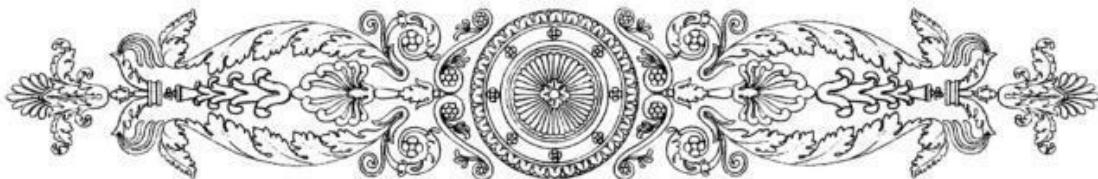
Гланька толкнула Ледникова под столом ногой. И весело подмигнула. Судя по всему, для нее в этой яростной схватке братьев не было ничего нового, она лишь забавляла ее. А для Ледникова такой поворот сюжета был неожиданностью. Свирипую ругань между братьями он видел и раньше, но он не представлял себе, что причиной раздоров может стать Виктория Алексеевна. Это что же получается? Никто из ее сыновей не хочет жить вместе с матерью после смерти отца... Такое Ледников вряд ли мог себе раньше представить. Тут у кого хочешь крыша поедет. И не такие глюки пойдут.

– Все, антракт, – шепнула Гланька Ледникову. – Первое действие ярмарки безумия закончено. Пошли выйдем – поговорить надо...

Она встала. Ледников, неожиданно для себя, как-то даже слишком послушно встал и пошел вслед за ней.

– Эй, Ледников, – крикнул вслед Артем. – Ты там поосторожнее! Учи, она моя племянница!

Глава 5 Аномия⁴

Они поднялись на второй этаж в бывший кабинет Николая Николаевича Востросаблина, в котором теперь царили беспорядок и разгром. Гланька уверенно устроилась на командирском месте за письменным столом и насмешливо уставилась на Ледникова.

Ледников, который никак не мог сообразить, как ему вести себя с этой молодой нахалкой, пристроился на диване, среди связанных в стопки книг и папок.

– Ну, и чем мы займемся? – как можно развязней спросил он.

– Работой, – с начальственной улыбкой сказала Гланька. – Для начала – работой. А там посмотрим…

– Мебель, что ли, будем выносить?

– Это не по моей части, – презрительно фыркнула Гланька. – Я бы все это просто сожгла, чтобы ничего не осталось. На самом деле весь этот мусор никому не нужен. Но они боятся себе в этом признаться. Поэтому сначала будут, ругаясь и надрываясь, тащить все в город, а там, опять ругаясь и проклиная друг друга, куда-то его пристраивать. А потом все равно выкинут…

Ледников ничего не сказал. Толковать этой самовлюбленной особе про память, про вещи, с которыми столько было связано в жизни!

– Но это их проблемы, – небрежно махнула рукой Гланька. – Я хочу предложить тебе другую работу.

– Подожди, ты что, серьезно? Ты хочешь предложить мне работу? – переспросил Ледников.

Дожил, девочка, еще недавно бегавшая по двору в одних трусишках и подглядывавшая из-за кустов за взрослыми, предлагает ему работу.

– Работу, – спокойно подтвердила Гланька. – По специальности…

– По специальности, – повторил Ледников.

Интересно, какую именно специальность она имеет в виду?

– Как интересно! – совершенно искренне сказал он. – А я справлюсь?

– Если будешь стараться. Впрочем, в этом я уверена.

– В чем?

– В том, что ты будешь стараться, – невозмутимо уточнила Гланька. – В отличие от моего раздолбая дяди, на которого никогда и ни в чем нельзя положиться, ты человек ответственный.

Час от часу не легче! Ледников никак не мог понять – пора ему действительно разозлиться или продолжить забавный спектакль дальше, подыгрывая этой чудовищно самоуваженной телезвезде, которая, видимо, решила, что раз ей все позволено в студии, то и в жизни должно быть так же!

– Откуда ты это взяла? – спросил он, решив, что злиться еще рано, интереснее подурячиться.

⁴ Падение престижа права в обществе. Возникает, когда граждане не могут реализовать себя законными способами, когда условия жизни побуждают к «двойной морали», когда разрушается система ценностей, растет коррупция, общество распадается на корпоративные группы.

– Во-первых, у меня осталось такое впечатление с детства. А детские впечатления, как ты знаешь, на всю жизнь. А во-вторых, я наводила справки…

– У раздолбая дяди? – не удержался Ледников.

– Нет, конечно. Кстати, по-моему, у него довольно превратные представления о тебе, хотя вы и друзья детства. Справки наводили спецслужбы одной весьма серьезной компании, с которой я начинаю большой проект. Я хочу подключить к нему и тебя. А там все делается солидно, потому что рисковать деньгами никто не хочет. Сначала, кстати, они изучали меня. И в результате согласились иметь со мной дело. Потом я назвала тебя, и они занялись тобой…

– И что же ты узнала от них обо мне?

– Много любопытного и даже неожиданного.

«Занятно, конечно, что они там накопали», – подумал Ледников. Но, во-первых, он и сам знает о себе достаточно, чтобы слишком любопытствовать на эту тему. А во-вторых, гораздо интереснее узнать, что она хочет предложить…

– Слушай, давай оставим мою скромную персону в покое, – предложил он.

– Да-да, как же я забыла – ты не любишь говорить о себе, – подмигнула Гланька. – Это было подчеркнуто в отчете. Ты не испытываешь желания без нужды противоборствовать, тратить время на дурные споры, убеждать всех и каждого в своей правоте…

– Почему же…

– Видимо, потому, что ты слишком умен для этого. Мудр, аки змий!

– Противоборствовать можно, если есть смысл, – уточнил Ледников. – А метать бисер стоит только, если ты точно уверен, что перед тобой не свиньи.

И подумал: «Ого, мы уже оправдываемся! К чему бы это?»

– А еще очень интересно про баб! – не унималась Гланька. – Про твои отношения с женщинами! Буквально так… Не бабник, но когда к нему проявляют интерес – откликается. Гениально! Ледников, а как к тебе надо проявлять интерес – в устной форме или в письменной?

– А какая тебе более доступна? – вспылил Ледников. Этот сучий отчет делали, судя по всему, грамотные ребята. Зацепили они его довольно верно!

– Ладно, ладно, все! Не злись. Такая уж у меня гадская натура. Между прочим, это сказано в упомянутом отчете о моей скромной персоне. Хорошо еще, что не назвали б…!

Гланька выговорила матерное слово без всякого затруднения и стеснения.

– Вот такие дела, Ледников! А теперь о проекте. Мне давно уже надоело это ток-шоу, эти гости в студии, с которыми надо вести идиотские беседы… В общем, я решила делать фильмы. Сама. Это будут телефильмы, фильмы-расследования о конкретных людях и историях. Сам понимаешь, и люди, и истории должны быть знаменитыми. Но я не хочу только раскапывать фактуру и рассказывать, как это было! Я хочу домысливать, предлагать самые дикие на первый взгляд версии, а потом доказывать, что они были вполне даже реальны и возможны. Я хочу копаться в характерах и выявлять тайные помыслы. То есть, это будет не журналистика, какой сейчас много. Это будет кино нашего времени! Телевизионное кино, потому что на дворе давно уже век телевидения.

– Прямо «Расемон» какой-то, – усмехнулся Ледников. – Акутагава нашего времени.

– Ледников, я знала, что ты умник, но не такой же! Ты меня уже пугаешь. Сейчас этот фильм Кurosавы уже мало кто помнит. А уж рассказ Акутагавы и подавно!

– Ну как же! Истины нет. И нет «последней инстанции». Та истина, которую устанавливает любой суд, узка и слишком примитивна. А на самом деле у каждого своя правда, свое оправдание, свое понимание и предательства, и истины… И главное – право на свое понимание.

– Видишь, я знала, с кем связываться! Как там про вас говорят? Два юриста – три мнения. Да, одна история с разных точек зрения. Диаметрально противоположных! Три истории вместо одной! Четыре! И каждая – документально подтвержденная, психологически убедительная.

– Ну да, – согласился Ледников. – Никогда не изменяй истине. Изменяй саму истину.

Кажется, Гланька говорила вполне серьезно. Вопрос только, при чем тут он? Одно дело порассуждать с отцом, как это было несколько дней назад, о шедевре Курасавы и Акутагавы, а другое – соваться в какое-то смутное предприятие вместе с этим молодым дарованием, чья наглость не имеет границ.

– Все это мило, но... – вяло пробурчал он. – В общем-то, никакого открытия тут нет. Такого добра полно сейчас на экране!

– Не такого! – неожиданно жестко возразила Гланька. – Вся штука – в авторе и ведущем. Если это обычный, пусть и неплохой журналист, то и фильм получается обычным.

– Хочешь сказать, что нужна незаурядная личность? Человек, способный в кадре и мыслить, и играть, и искренне переживать?

– Ледников, ты умница! Ты все понял! Тебе уже интересно. Обычно сценарии пишет группа журналистов, а потом приглашается известный актер, и он изображает мыслительный процесс! Хотя в материале – ни ухом ни рылом! Поэтому впечатление тухлое. У нас все будет по-другому!

– У вас уже есть такой человек?

– А ты как думал?

– И этот человек...

– Я.

– Понятно.

– А ты думал, я буду рыть землю для кого-то?

– Нет, чего-чего, а этого я уж точно не думал! – рассмеялся Ледников.

Как все-таки причудливо прядут нить человеческой судьбы Мойры – древнегреческие богини судьбы! Буквально вчера Ледников подумал о том, что исторические расследования, которыми он занимался уже не первый год вместе с отцом, могли стать основой для хорошего телесериала, и стал размышлять, к кому из людей, связанных с телевидением, можно было бы обратиться за советом и помощью. И оказалось, что единственный человек, допущенный в телевизионный мир, это Гланька... Если уж быть честным до конца, то он согласился поехать на дачу Востросаблиных еще и потому, что хотел обсудить с Артемом, есть ли смысл говорить с Гланькой на эту тему? И вот, пожалуйста, она является на дачу сама и делает ему предложение, связанное с телевидением. То есть предлагает ему в этот мир проникнуть. Интересно, на каких условиях?

– И кем же буду я в этом мероприятии? Какую роль приготовила ты мне?

– Почтенную, – успокоила его Гланька. – Роль соавтора. Ты будешь моим соавтором. Мне нужен человек, который разбирается во всяких юридических и криминальных коллизиях, который сможет разрабатывать и предлагать версии... Деньги вполне приличные. Свою долю славы ты тоже получишь. Кстати, я посмотрела книги, которые вы пишете со своим отцом... На их основе вполне можно что-то придумать для телевидения. Ты не думал об этом?

«Страшный человек, – мелькнуло в мозгу Ледникова, – все видит, обо всем подумала, знает, чем подкупить, на что надавить».

– Об этом можно будет поговорить при случае, – нарочито небрежно сказал он. И тоже решил блеснуть проницательностью: – Но я думаю, сюжет для первого фильма у тебя уже есть?

– Разумеется, – не стала спорить Гланька. – Ты мне нужен еще и поэтому. Потому что ты в курсе дела. Тебе даже не придется влезать в материал, ты уже им занимался...

Вот так. У этой молодой разбойницы действительно все рассчитано и учтено. Интересно, какое именно дело она имеет в виду? А впрочем, чего тут гадать! Ясно какое. Убийство академика Ампилогова. Дело шумное, скандальное, там и политика, и любовь, и ненависть, и таинственные люди в масках... И Гланька примчалась сюда, потому что дача Ампилогова рядом. Побывать на месте преступления чрезвычайно полезно. Это вдохновляет и распаляет вооб-

ражение. К тому же она наверняка их помнит – мужиковатого академика и красавицу-жену, похожую на ресторанные певицу не первой молодости. Они же гуляли тут, по-соседски заходили к Востросаблинным…

– Да-да, убийство Ампилогова, – сказала Гланька. – Ты писал о нем. Ты веришь, что его убила жена?

– Каку тебя все простенько – верю, не верю… Это же не игра в детском саду. Тут бог борется с дьяволом, а место битвы – сердца человеческие!

– Понятно, Федор Михайлович пошел в дело! Не выпендривайся, я знаю, что ты читал книжки… Ты веришь в то, что убила она?

Что можно было ответить на этот дурацкий вопрос?

Итак, три года назад, летом, рано утром, часов около шести, в Федеральную службу безопасности позвонил помощник и охранник депутата Никиты Терентьевича Ампилогова и сообщил, что академик убит ночью у себя на даче. Помощник сообщил, что его разбудила жена депутата Римма Леонидовна Ампилогова и сказала, что убила мужа. Поднявшись в кабинет, он увидел, что депутат лежит в собственной постели, голова его залита кровью.

Фээсбэшники связались с дежурным Генпрокуратуры и помчались на дачу. Туда они прибыли практически вместе с дежурной следственной бригадой прокуратуры. Ампилогов был не простым депутатом. Он был академиком, лауреатом, одним из создателей ракетного щита страны. В последние годы приобрел шумную известность своими громкими заявлениями о коррупции во власти, в связи с чем стал популярен в широких народных массах и нажил массу врагов из самых влиятельных кругов страны. Одни считали его защитником народа и государственных интересов, другие – ловким политиканом, который уже не представлял из себя ничего как ученый, но нашел себе нишу радетеля за отчество. Третьи видели в нем замешенного, упертого «совка», которого только могила исправит.

Все понимали, что убийство Ампилогова неминуемо выльется в политический скандал, газеты и телевидение превратят его в главную сенсацию на долгое время. Руководствуясь принципом «ищи, кому выгодно», политики и журналисты выдвинут самые дикие версии, начнут трепать имена самых высокопоставленных особ. Поэтому расследовать дело надо было как можно более энергично.

…Ампилогова сидела в гостиной, в кресле, куталась в неуместно яркий, цветастый платок, который только подчеркивал ее неестественную бледность. Она растерянно посмотрела на прибывших и отвернулась. Охранник академика Вадим Захребетный, находившийся тут же, провел прибывших следователей и экспертов наверх, в кабинет академика.

Академик лежал на застеленном простынями диване, на левом боку, лицом к двери. Казалось, он мирно спит. Но на виске темнело кровавое пятно. Пятно чуть побольше было на подушке. Очевидно, пуля прошла навылет.

Телом занялись эксперты, а следователь спустился вниз. Жена академика сидела там же, все в той же позе.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил следователь.

Ампилогова с трудом выдавила:

– Я. Это сделала я.

– А оружие? Где оружие?

Ампилогова махнула рукой в сторону окна.

– Там… туда…

После этого она свернулась в кресле, закрыла глаза и как будто заснула.

Пистолет нашли в цветах под окнами. Это был наградной пистолет академика, подаренный ему министром обороны к юбилею.

Охранник Захребетный рассказал, что накануне на даче отмечалась серебряная свадьба Ампилоговых, было немало выпито, разошлись поздно, потом академик с женой о чем-то долго говорили... А потом Римма спустилась вниз, на кухню, и принялась мыть посуду. Именно в это время Захребетный и водитель Виватенко заснули. Где-то часов в пять их разбудила Римма и сказала, что она застрелила мужа. Так как Захребетный и Виватенко выстрелов не слышали, они решили, что она то ли шутит, то ли спяну несет какую-то белиберду. В последнее время Римма была как будто не в себе и достала всех нелепыми разговорами, в том числе и о муже. Мол, это она его сделала тем, что он есть, без нее бы валялся в грязи, а теперь он слишком многое о себе возомнил!

Но заснуть Захребетный уже не смог и через какое-то время встал и поднялся на всякий случай наверх. Дверь в кабинет была открыта...

Через несколько часов в приемную ФСБ и на дачу Ампилоговых примчались первые группы журналистов. В приемной им сказали, что скорее всего речь идет о банальной «бытовухе». А на даче следователь сообщил журналистам, что преступление практически раскрыто, человек, совершивший его, известен...

На следующий день допрос, проведенный следователем, и показания Ампиловой, в которых она подтверждала, что убила мужа, были записаны на видеокассету. Адвокат потом говорил, что это страшное, невыносимое зрелище. Следователь просто издевался над несчастной, потерявшей в тот миг рассудок женщиной, заставляя ее признаться в убийстве мужа. Ее в таком состоянии, утверждал адвокат, вообще нельзя было допрашивать, но ее допрашивали. Причем безжалостно, без адвоката и врача!

Спустя несколько дней Ампилогова заявила, что отказывается от своих признательных показаний, что она сделала их под давлением следствия. Она продолжала утверждать это и во время суда, который осудил ее за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения.

– То, что убила она, самая очевидная и самая достоверная версия, – заключил Ледников. – Правда, как выразился ее адвокат, ни одного фактического доказательства виновности жены академика в совершении данного преступления в материалах дела нет.

– Ничего себе! – присвистнула Гланька. – Прямо так ни одного и нет? За что-то же ее посадили?

– Ну, во-первых, адвокат не ангел и не глас божий, у него работа такая – доказывать, что вина не доказана, – объяснил Ледников. – А во-вторых... Так тебе все и расскажи! Ты потом в комедию вставишь и даже спасибо не скажешь! А в-третьих, я хоть и русский человек, но в делах предпочитаю протестантскую этику. То есть заключаю индивидуальный договор, минуя посредников, не только с богом, но и с партнерами. И действую строго согласно пунктам договора. А мы с тобой договор еще не заключили.

– Эх ты, кальвинист недоделанный! А где же русский размах, расейская широта души?

– А это все, милая моя, в прошлом. Хватит, поигрались! Мы, русские люди, такие – нам два раза повторять не надо!

– Ну да, вам надо повторить три раза. Что ж, я повторю, для хорошего человека не жалко!

Гланька встала, вышла из-за стола и села на диван рядом с Ледниковым, предварительно небрежно спихнув на пол связку книг. Она положила свою руку на его ладонь. Рука была легкая, прохладная.

– Ледников, я не собираюсь тебя разводить, использовать, обманывать. Ты мне действительно очень нужен. Бизнес, которым я предлагаю тебе заняться, весьма жесток. Там особые телевизионные люди, некоторые из них вообще не люди в привычном смысле слова, а самые настоящие мутанты. Для них предательство и подлость – норма. Среди них и сам становишься таким же. Там ни на кого нельзя положиться. Я хочу положиться на тебя.

Самое забавное, что Ледников ей верил. Верил всему, что она говорила. А ведь еще с утра он не сомневался, что и сама Гланька принадлежит к племени мутантов, которым нельзя верить ни в чем и никогда.

– Эй, вы там, наверху! – раздался снизу издевательский голос Артема. – Кончайте свои шашни! Нашли время шуры-муры разводить! Я вот сейчас поднимусь да разгоню ваш тет на тет!.. Ледников, тут есть магнит попрятательней – коньак еще советских времен!

– Пойду взгляну, что там, – улыбнулась Гланька. – А то мой беспутный дядя сейчас начнет орать, что мы тут трахаемся вовсю! У него же других шуток не бывает. Не обучен.

– Ты не слишком… Про родного дядю-то?

– Как могу, – отрезала Гланька.

Она встала и направилась к лестнице. Уже в двери она обернулась.

– Да, кстати, ты не думай, что я пустая и у меня ничего, кроме самомнения, нет. У меня тоже есть кое-какие материалы по этому делу…

– У тебя? – искренне изумился Ледников.

– А вот представь себе!

– У тебя-то откуда?

– Оказывается, дед, который изнывал тут от скуки, очень интересовался убийством Ампилогова. Он собрал о нем все, что мог. Используя старые связи, добыл никому не известные факты. И записал свои соображения по-старомодному, от руки, в толстую тетрадь. Я думаю, его мнение будет интересно многим.

– И эта тетрадь теперь у тебя, – догадался Ледников.

– Будет у меня.

– Не понял. Что значит будет? А где же она сейчас?

– Дед ее куда-то засунул, перед тем как свалился в эту дурацкую яму, и я пока не могу ее найти. С утра перерыла тут все, весь этот мусор. – Она раздраженно ткнула носком сапога в связку бумаг. – Пока не нашла. Но я найду!

– Слушай, ты же наверняка сказала своим спонсорам, что записи Николая Николаевича уже у тебя… А если ты их не найдешь? А если их вообще уже нет?

– Для нас с тобой лучше, чтобы они были и я их нашла. Потому что люди подписались под большие деньги, – уже совершенно серьезно сказала Гланька.

– А может, Виктория Алексеевна в курсе? – предположил Ледников, отметивший это «для нас с тобой». И не заметил, как запрягли.

– Бабуля? – скривилась Гланька. – Это вряд ли… Дед знал, что ничего серьезного ей доверить нельзя.

– А тебе, значит, можно! – не удержался от сарказма Ледников. – Тебе он доверился!

– Мне – да, – спокойно сказала Гланька. Прошибить ее чем-либо было невозможно. – И дед это знал. И вообще, я была его любимицей, если хочешь знать.

– А любимица знает, что ее бабушка уверена, будто дедушка упал в яму не сам? Что ему тогда помогли?

– Ага, бабуля и за тебя принялась! – засмеялась Гланька. – Смотри, Ледников, бабулино безумие штука заразная. Я вот сейчас гуляла, так мне тоже все время казалось, что за мной следят. Хорошо если просто насильники, а если мстители?

– И кто тебе может мстить? За что?

– Да не мне конкретно! Значит, бабуля не успела посвятить тебя в свои прозрения… В общем, по ее версии, которая ей то ли приснилась, то ли открылась ни с того ни с сего, на деда наехали какие-то осужденные им злодеи. Решили отомстить за суровый приговор, который он им когда-то вынес. Боюсь, она сериалов по телевизору насмотрелась. Хотя…

– Что хотя? Думаешь, что она все-таки что-то действительно видела? Реальных людей?

– А кто тут у нас консультант по следственным вопросам? Вот пусть он и думает!

Гланька подмигнула Ледникову и, не торопясь, неестественной походкой манекенщицы стала спускаться вниз.

Едва она исчезла, в кабинет ворвался Артем. Он оглядел царивший здесь разгром и присвистнул:

– Ну, и попробуй здесь что-нибудь найти! Вот черт!

– А что ты ищешь? – поинтересовался Ледников.

– Да кое-какие документы, оставшиеся от отца, – пробормотал Артем, явно не желая посвящать Ледникова в курс своих дел.

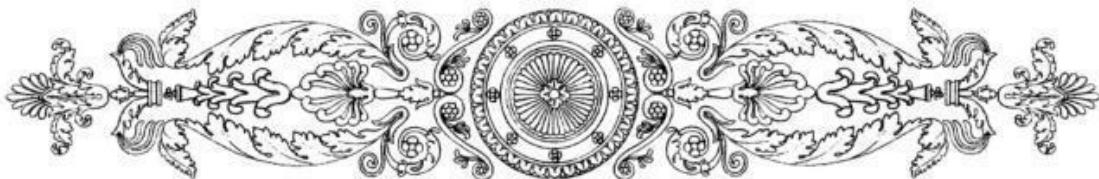
Он нервно перетряхивал бумаги и папки, а Ледников, глядя на него, совершенно отчетливо понял, что он ищет. Записи о деле Ампилогова. Но ему-то они зачем? Что-то вокруг этих записей какое-то непонятное напряжение нагнетается… Ведь и Андрей, когда они возились с мебелью, сказал, что его уже несколько дней достают непонятные люди и просят прощать архивы Николая Николаевича, которые им вдруг позарез понадобились. Причем достают с маниакальной настойчивостью, переходя чуть ли не на угрозы. И сам собой возникает вопрос: архивы вообще или тетрадь с записями об убийстве Ампилогова конкретно?

– Может, помочь? – спросил Ледников.

Артем только рукой махнул – не мешай.

Глава 6

Преступная самонадеянность⁵

Виктория Алексеевна и Андрей накрывали на стол. Это было то привычное занятие, которое с особой ясностью вспоминаешь всякий раз, когда вдруг понимаешь, что по какой-то причине – будь то болезнь, несчастье или удар судьбы – жизнь переменилась и уже никогда не будет такой, как прежде. И уже никогда не повторится вот это – самое обычное и привычное. Просто – такого уже не будет. Никогда. И эта вроде бы мелкая и смешная утрата почему-то символизирует собой всю необратимость и безжалостность происшедшего.

Тут как раз и вошла Лена. Она была ровесницей Артема и единственной дочерью в семье старожилов дачного поселка Гараниных. Они с Артемом вместе росли, и всем было известно, что они влюблены друг в друга, что все идет к неминуемой свадьбе, но потом все как-то распалось, растворилось, исчезло, и Лена вышла замуж за какого-то, как говорили, отпрыска очень богатого банкира. Так что в последние годы она на даче практически не бывала. Во всяком случае, Виктория Алексеевна не видела ее уже несколько лет.

Лена всегда была очень привлекательна и уверена в себе, но в ее манере говорить, держать себя, как показалось Виктории Алексеевне во время последней встречи, проглядывало какое-то разочарование. Сама же она после истории с Артемом всегда испытывала в присутствии Лены некоторую неловкость. Хотя она-то в чем была виновата перед ней?

– Здравствуйте, Виктория Алексеевна, – негромко сказала Лена, почему-то остановившись в дверях, словно не решаясь войти.

– Боже мой, Леночка! Сколько лет! Здравствуйте, дорогая… – Виктория Алексеевна опять почувствовала себя в чем-то виноватой перед ней. – Вы такая красавица!

Лена, наконец, решилась войти в комнату, Виктория Алексеевна обняла ее и поцеловала. На глазах у нее были слезы. Лена была из той прежней жизни, в которой у нее были свой дом и семья.

Андрей, воспользовавшись суматохой, быстро налил себе рюмку и выпил. Потом он мягко отстранил мать от Лены и тоже полез целоваться. Ему вдруг захотелось подурачиться, поприкалываться, чего уже давно с ним не случалось.

– Маман, дай-кась и я поприветствуя прелестную соседку, приложусь маненько от всей души…

Лена и не думала сопротивляться.

– Мать, какая женщина, а? – принялся за спектакль Андрей. – Слушай, Ленка, да на тебя жутко смотреть! Опасно! Сразу мысли в голове – нехорошие. Сколько утрат! Мимо сколького прошел я мимо, не понимая, не замечая…

– Отпусти девушку! – нарочито строго сказала Виктория Алексеевна.

На самом деле она страшно любила сына вот таким, веселым и бесшабашным, потому что в Андрее было несомненное актерское дарование, и даже дурацкие и незамысловатые шуточки

⁵ Вид преступной неосторожности, когда обвиняемый предвидел наступление опасных последствий своих действий, но легкомысленно надеялся, что они не наступят.

в его исполнении выглядели чрезвычайно привлекательно. И сейчас она была готова подыграть ему, понимая, что сын пытается хоть на минуту сбросить напряжение и страхи, владевшие им последнее время.

– У тебя жена и двое детей! – наставительно напомнила Виктория Алексеевна.

– Ну и что! – отмахнулся Андрей. – Ты еще маму вспомни! Эх, Ленка, куда ж я раньше смотрел? Ты бы хоть знак какой подала, намекнула, какой из тебя персик, понимаешь, получится! Надо с горя еще рюмочку махнуть!

Все это время Лена только мило и устало улыбалась. Когда Андрей выпустил ее из своих объятий, она скромно присела к столу.

– Приехала на пару дней, думала, никого в такую погоду тут не будет… Вдруг слышу, у вас шум, голоса! Так обрадовалась – все, как прежде!

– Не все, Леночка. Мы ведь уезжаем…

– Куда?

– А никуда! Просто освобождаем незаконно занимаемую площадь. Ну, а как вы живете?

– Мать, как она может жить? – встрял Андрей, успевший уже махнуть очередную рюмку. – Волшебной и рассеянной жизнью богатой дамы, далекой от пошлых мелочей. Только так должна жить такая женщина, или я отрицаю разумное устройство этой жизни!

– Я живу довольно обычно, – пожала плечами Лена. – Работа, дом…

– Но вы же всегда были такой светской, любили развлечения? – удивилась Виктория Алексеевна.

– Это было давно.

И тут в дверях возник Артем. Все дружно примолкли. Лена, сидевшая спиной к дверям, обернулась.

– Привет.

Артем какое-то время молча и мрачно разглядывал ее. Потом перевел взгляд на Викторию Алексеевну.

– Мать, какая женщина, а! – сказал он так, будто никого, кроме них, в комнате не было. – С ума сойти, какая женщина!

– Господи, вы оба ненормальные! Сначала Андрей – какая женщина! Теперь ты… У нее муж, между прочим!

– Муж, как известно, объелся груш! – ухмыльнулся Андрей.

– Енот, а он что, действительно любит груши? – хохотнул Артем.

– Господи, что вы несете! – вздохнула Виктория Алексеевна.

Лена мило, отстраненно улыбалась, слушая их привычную, такую милую перебранку.

– Леночка, а почему он вас так странно назвал? – решила сменить тему Виктория Алексеевна. – Как он сказал?

– Енот. Меня еще в школе так звали. Отец подарил дубленку с воротником из енота, вот и пошло. Но теперь меня уже давно никто так не зовет. Все забылось.

– Слушай, а тебе идет, – тут же встрял Андрей. – Енот… В этом есть что-то интимное, ласковое, влекущее…

– Ты опять за свое! – вздохнула Виктория Алексеевна.

– Вы еще побудете тут? – спросила Лена.

Виктория Алексеевна пригорюнилась.

– Не знаем. Мы теперь ничего не знаем.

– И потому собираемся пить! – провозгласил Андрей, которому никак не хотелось опять горевать по поводу отъезда. – Выпивать, как выпивали тут всегда!

– Я с вами. Можно?

– Ура! – провозгласил Андрей. – Правда, у нас горючего в обрез… Лена встала.

– Давайте я принесу, у нас там есть запас. Только я не знаю, что принести…

– Может, проводить? – вскинулся Андрей. – Оказать посильную помощь словом и делом? Муж, надеюсь, в командировке? Мать, я пошел!

– Отстань от девушки! Вот прицепился! – с укоризной сказала Виктория Алексеевна и показала глазами на Артема, все это время тихо сидевшего в углу.

– Впрочем, у меня тут есть дела, – понятливо согласился Андрей. – А вот мой младший брат, который у нас от всяких забот освобожден, вполне может оказать посильное содействие – как консультант и тягловая сила.

Артем пожал плечами, как бы без всякой охоты соглашаясь.

Уже в дверях они столкнулись с Гланькой.

– Здравствуй, Гланя, – улыбнулась ей Лена. – Я теперь тебя только по телевизору вижу.

Гланька лишь улыбнулась в ответ, причем не слишком ласково. Когда Артем и Лена ушли, с явной насмешкой сказала:

– В детстве она мне казалась невыразимо красивой. Этакая шикарная и всегда такая модная! Воплощение девчоночных грез. Ужасно хотелось быть на нее похожей... А потом поняла, что все это – шик-блеск-красота! Тра-та-та, тра-та-та! И все, и ничего больше. Тра-та-та! Прелестная домохозяйка!

– Ты, мать, строга! – несколько опешил от ее напора Андрей. Он давно уже как-то конфузился в присутствии старшей дочери, никак не мог выбрать верный тон.

– Зато справедлива, – не думала смягчаться Гланька. – За стол еще не пора? Я бы выпила чего! И даже закусила.

– Сейчас Артем с Леной вернется, и будем садиться! Они как раз за выпивкой пошли, у нас почти ничего не осталось.

– Ну, тогда нам придется умереть с голоду и от жажды! Дожидайся их! Сейчас предадутся воспоминаниям о том, как они любили друг друга, станут удивляться, зачем расстались, и... А ну как в койку залезут?

– Гланя! – поморщилась Виктория Алексеевна и отправилась от греха подальше на кухню.

Гланька, не обратив на это никакого внимания, подошла к столу и, по-хозяйски оглядев его, взяла пирожок и принялась жевать.

– Бабулины пирожки! Поэма экстаза! Секрет изготовления никому не известен и хранится в глубочайшей тайне. Любимый вкус моего детства!

А потом резко спросила Андрея:

– Ты помнишь дело Ампилогова?

Андрей непонимающе посмотрел на нее.

– Ну, того самого... Академика и депутата в одном лице, которого якобы жена убила ночью?

– Почему якобы?

– А ты что же, уверен, что она могла вот так взять и пристрелить ночью мужа, с которым прожила больше двадцати лет? Ты, из районных либералов самый главный либерал? Ты должен быть убежденным, что тут не обошлось без секретных служб и происков КГБ. Ты должен считать, что во всем виновата чекистская власть!

– Что ты несешь! – поморщился Андрей. – Что касается жены Ампилогова... Ты ее не знаешь, а судишь.

– Расскажи, – невозмутимо предложила Гланька.

– Зачем тебе?

– Интересно.

– Нашла забаву!

Андрей помолчал, потом нехотя стал рассказывать:

– Собственно, я тоже знал ее мало. Они пару раз были тут в гостях. Я помню только, что осталось такое странное ощущение: от нее можно ждать чего угодно. Есть такие люди, чувствуешь, что, если на них накатит, они с собой не совладают. А когда накатит? Из-за чего? Никто сказать не может.

– До такой степени непредсказуемая, что не испугается взять пистолет и хладнокровно выстрелить в голову спящему мужу? – уточнила Гланька.

– Откуда нам знать, что там у нее в голове происходит? Что она чувствует?

И тут в дверях неожиданно опять возникла Нюра. Она молча посмотрела на всех, привычным усталым движением опустила платок с головы на плечи, поздоровалась.

– Нюра, ты? – как-то чрезмерно оживленно вскричал Андрей, судя по всему уже изрядно утомленный бессмысленной перепалкой с дочерью. – Здорово!

Гланька, не переставая жевать, только помахала в знак приветствия рукой.

– Как жизнь-то, Нюр? Я тебя столько не видел!

– Жизнь? – рассеянно переспросила Нюра, которая вернулась явно с какой-то целью. – Каку всех. Хлеб жуем, пока зубы целы. Уже богу спасибо.

– Нюра, а ты Ампилоговых хорошо знала? – сразу вцепилась в нее Гланька. – Ты веришь, что его жена застрелила?

– А тут верь не верь, правды все равно не узнаешь. У нас тут разное говорили…

– Да ладно вам, нашли о чем говорить! – вмешался Андрей. – Нюра, ты лучше расскажи, как дочь?.. Девушка Вера, моя первая настоящая любовь! Среди лесов и полей, под трели соловья!..

– Папаша! – укоризненно произнесла Гланька, скорчив насмешливую гримасу. – При родной дочери!

– А, подумаешь! – легкомысленно махнул рукой Андрей. – Что такого? Это было в столь далекие уже времена… Когда тебя еще и на свете не было… Нюра, а помнишь, как ты нас с ней гоняла?

– Память пока не отшибло.

– Все пальцем грозила: «Учи, Андрей, я не погляжу, что ты сын Николая Николаевича! Дочку позорить никому не дам! Не для того рожала и растила! Кого хошь за нее разорву!»

– А что было-то? – поинтересовалась Гланька. – Прямо настоящая любовь?

– Увы, – притворно огорчился Андрей. – Ничего такого и не было. Ну, целовались у родника среди комаров… Лягушки еще орали, как оглашенные… Когда это было!

– И правильно я делала, что грозилась, – упрямко сказала Нюра, устраиваясь на стуле, одиноко стоящем у телефона. – Потому что ничего серьезного у вас с ней быть не могло. Кто был ты, а кто она? А ты совсем ополоумел тогда, знать ничего не хотел…

Гланька, с насмешливым любопытством слушавшая разговор, вдруг спросила:

– А дочь и сейчас тут живет?

Нюра ответила не сразу. Потом спокойно сказала:

– Живет, паскуда. А лучше бы и не жила…

На какое-то время наступило молчание. Нюра сидела молча, думая о чем-то своем. Андрей и Гланька переглянулись.

– Нюр, ты такое про дочь? Про Веру? – недоверчиво переспросил Андрей.

– Про дочь, а то про кого же? – все тем же невыразительным голосом уточнила Нюра. – Про нее, паскуду…

– Погоди, Нюр, ты что несешь? Как ты можешь?

– Могу, как видишь. Спилась она. Насовсем. Про другое и не говорю. Она же тут у последних забулдыг подстилкой стала. На человека уже не похожа.

– Но желать смерти! Дочери!

— А что же мне — внучке смерти желать? Она ж уморит ее — или нарочно, или ненароком. Родила на старости лет, я уже и не надеялась. Беременная была, я места себе не находила — все боялась, что у нее больная или урод какой родится. А родилась нормальная. Это же счастье какое, что не урод! А эта!.. Только месяц, может, и не пила. А потом — то накормить забудет, то на морозе оставит, а сама бегает, похмелиться ищет... Вином поить начала, чтобы не плакала.

— Вера? — ошеломленно переспросил Андрей. — Ребенка — вином?

— А теперь еще под забором шприцы стала находить. — Нюра говорила все с тем же ужасающим спокойствием, от которого всем становилось не по себе. — Нет уж, пусть уж лучше помрет, пока девчонку не погубила. Господи, что же с человеком делается? Она в детстве была — как ангелочек, светилась вся... А теперь? Разве в ней от ребенка хоть что-нибудь осталось? Смотрю на нее и одного понять не могу: откуда она такая? Ну, не мог тот ребенок такой паскудной стать, не мог! Странно, люди вообще на детей совсем не похожи.

Молчавшая все это время Гланька не выдержала:

— Лечить ее надо, Нюра. У меня этих наркоманов и алкоголиков среди знакомых — толпа. И ничего — вылечиваются. Надо только специалиста хорошего поискать...

— Не надо, — вздохнула Нюра.

— Но почему? — взорвался Андрей. — Почему — не надо? Что ее живую хоронишь?

Нюра чуть улыбнулась в ответ на его горячность.

— Потому что не будет она больше человеком. Чего тут лечить? В ней человеческого ничего не осталось. Только керосином.

— Керосином? Первый раз слышу. — Гланька изумленно посмотрела на Андрея.

— А как же! — все с той же непонятной улыбкой сказала Нюра. — Облить пьяную керосином да поджечь — все как рукой снимет.

— Ни хрена себе лекарство! — присвистнула Гланька.

— Нюра, ты это брось, — в бессильной ярости проорал Андрей. — Ты чего несешь?

— Да не ори ты так! — поморщилась Нюра. — Мне идти надо, а то внучка проснулась уже, наверное. Я же ее у соседки оставила, этой-то опять нет. Я и не знаю, где она, когда будет. А может, и не будет уже, не вернется.

— Нюра, обещай мне... — дрожащим голосом заговорил Андрей.

— Чего? Да успокойся ты, не дрожи. Да и керосина у меня нет еще, не разжилась пока, — рассмеялась она. И подмигнула Гланьке: — Видишь, какой отец у тебя нервный. Хороший, но нервный. Переживает очень.

Нюра опять накинула платок на голову и потуже затянула сзади узел. Уже в дверях она вдруг обернулась и сказала:

— А про Ампилоговых сама я точно не знаю, но у нас в поселке мало кто верит, что это жена его застрелила. Говорят, какие-то люди вертелись тогда вокруг их дачи. Чужие.

Когда Нюра ушла, Андрей в изнеможении упал на диван.

— Ты что-нибудь понимаешь? — пробормотал он, обращаясь то ли к дочери, то ли в пространство. — Она же с нее пылинки сдувала, молилась на нее!

— Вот и домолилась, — жестко ответила Гланька. — Молиться надо богу, а не на людей. Они этого не выдерживают.

Но Андрей как будто и не услышал ее.

— Господи! Но ведь любить больше, чем любила Нюра, нельзя. Невозможно! Она бы умерла за нее не задумываясь, убила бы за нее, если бы понадобилось, кого угодно!

«Андрей! Андрюша!» — донесся из коридора плачущий голос Виктории Алексеевны, а потом в комнату влетела и она сама. За ней вошла и опять села на стул у телефона с непроницаемым лицом Нюра.

— Андрей, нам надо что-то решать. У меня больше нет сил. Ну, давай что-то решим! Как нам быть? С ним! — задыхаясь, сказала Виктория Алексеевна.

Гланька, с любопытством поглядывавшая на них, решила, что пора вмешаться.

– Ребята, вы о чем? Может, объясните!

– Я говорю о бюсте твоего деда! – запальчиво объяснила Виктория Алексеевна.

– А что, он еще жив? – скрчала изумленную гримасу Гланька.

– Представь себе! Что нам с ним делать? А тут еще Нюра со своими дикими мыслями...

Говорит, может, вы мне отадите?

Гланька с Андреем изумленно уставились на Нюру.

– И ничего дикого! – пожала та плечами. – Что, я не вижу? Я же понимаю, чего вы мучаешься. Куда вам такой памятник в город с собой тащить? И выкинуть просто нельзя. Куда? И что люди скажут? А сломать... Как-то не по-людски это, да, думаю, и рука у вас не поднимется. А я бы дома у себя поставила – мне нравится. У меня и сосед штукатур – подправит, если что...

– Нюра, ты чего несешь? – звился Андрей. – Какой еще штукатур? Это же тебе не слоник на комод! Нашла игрушку!

– Жуть какая-то! – расхохоталась Гланька. – Театр абсурда! Публика в изнеможении!

– Ну, вы думайте, – все так же хладнокровно сказала Нюра. – А я еще зайду потом.

Когда она ушла, Гланька с удивлением и восхищением протянула:

– Вот это я понимаю! Действительно – глас народа. Все видит, все понимает, все знает. Так действительно можно в народную мудрость поверить.

Глава 7 Эмпатия⁶

Все это время Ледников наверху предавался размышлениям о своем нынешнем положении.

Эта чертова Гланька, надо сразу признать, произвела на него впечатление. Во-первых, как женщина. «Да-да, милый друг, – говорил он себе, – не стесняйся, признайся, что она взволновала тебя, прежде всего, именно как женщина». Кто мог представить, что из большеголового лягушонка, подглядывавшего из кустов, явится женщина, при одном взгляде на которую ясно, но не сознанием, а толчками сердца, гулом в голове ощущаешь, что она нужна тебе, что ты готов на любую глупость, лишь бы произвести на нее впечатление. А во-вторых, это предложение, которое она сделала… За ним очевидно маячила возможность переменить жизнь, к чему он давно уже стремился, но не знал, как приступить.

Ледников встал с дивана. Захотелось пройтись по комнате, выйти на балкон, заваленный зернистым, как крупная соль, обледенелым снегом, втянуть в легкие стылого воздуха… Но пол кабинета был завален книгами, журналами, какими-то папками с бумагами, которые когда-то казались столь нужными и важными, а теперь просто валялись под ногами, как мусор. Равнодушно наступать на них, ходить по ним, в отличие от Гланьки, он не мог. И потому снова плюхнулся на диван и опять вернулся к своим рассуждениям о деле Ампилоговых.

Итак, что же мы имеем? А имеем мы пока вот что.

Римма Леонидовна Ампилогова стреляет ночью в голову мужу, выбрасывает пистолет из окна в траву и сообщает об этом охраннику депутата, который вызывает следователей. Прибывшим следователям Ампилогова подтверждает, что совершила преступление, пистолет находят в траве. На следующий день на допросе, записанном на видеокассету, Ампилогова подтверждает свои показания.

Однако на суде она абсолютно меняет свои признательные показания. Более того, заявляет, что делала их под принуждением, что ее заставили оговорить себя…

По ее словам, в ту ночь, когда все уже спали, в дачу проникли два человека в масках. Они связали ее, заткнули рот и принялись избивать, не говоря ни слова, ногами. Когда она обезумела от страха и боли, они сказали, что муж убит и она должна взять вину на себя. Должна сказать, что взяла из шкафа пистолет, выстрелила мужу в голову, уничтожила отпечатки пальцев и выбросила пистолет в окно… «Ты убила его потому, что он хотел бросить тебя, уйти к своей помощнице! Иначе сдохнешь сама, а дочь твою изнасилуют и изрежут на куски».

Кстати, экспертиза подтвердила, что на теле Ампилоговой были синяки от ударов. Свежие кровоподтеки были и на лице.

Потом неизвестные исчезли так же бесшумно, как появились. Какое-то время Ампилогова находилась, по ее словам, в полуబезумном состоянии. Несколько раз она подходила к дверям кабинета, в котором спал муж, и, напрягая слух, пыталась уловить хоть какой-то шорох

⁶ Способность к пониманию эмоционального состояния другого человека. Отсутствие эмпатии – эмоциональная тупость, которая зачастую является предпосылкой жестоких насилиственных преступлений.

оттуда. Тем более что муж обычно сильно храпел. Но из кабинета не доносилось ни звука, и эта тишина ввергала ее в леденящий ужас. А потом она все-таки разбудила охранника и шоfera, и те нашли тело мужа...

Все это она твердила до самого суда, на котором снова повторила свою версию происшедшего.

Были ли факты, подтверждавшие ее рассказ? Прямых вроде бы нет. Зато сомнений в первоначальной версии, по которой убила она, оказалось сколько угодно.

Например, личный врач семьи Ампилоговых Борис Ефимович Деноткин подтвердил и во время следствия, и на суде, что рано утром в день убийства она позвонила и сказала буквально следующее: «Никита сегодня не придет... Он вообще больше не придет. И эти мерзавцы заставят меня взять всю вину на себя... Но вы не верьте».

Но, как сказал следователь, это доказывает лишь то, что Ампилогова не была в столь уж невменяемом состоянии.

Однако список сомнений на этом далеко не исчерпывается... Ну, например, журналисты одной программы провели собственный следственный эксперимент. Они пытались установить, можно ли было посторонним незаметно проникнуть в охраняемый дом академика ночью? И убедились, что можно.

Так что адвокат Ампилоговой, весьма расторопный молодой человек, которого звали Михаил Старчевский, мог с чистой совестью, что для адвоката большая редкость, утверждать, что в деле нет прямых доказательств вины Ампилоговой.

Когда Ледников при встрече спросил его, кто же это мог сделать, Старчевский только улыбнулся. И пропел традиционную арию адвоката: я не следователь, не прокурор, не оперативный работник и потому не обязан заниматься установлением истины. Моя работа в другом – я защищаю своего клиента. Это следствие должно доказать, да так, чтобы я не мог ни опровергнуть, ни посеять сомнения. Потом он все-таки снизошел со своих адвокатских высот и снисходительно объяснил:

– Все улики косвенные. А где прямые? Их нет? Или не обнаружены? Но для защиты это одно и то же! Если она стреляла в мужа в упор, то почему на ее руках не были обнаружены следы пороха? Почему следов пороха не было на ее халате? Почему нет отпечатков пальцев на пистолете? Она что, вымыла его с мылом, прежде чем выкинуть? И это после убийства мужа, будучи в состоянии психологического ступора? Неужели выстрелов действительно «не слышали» находившиеся рядом охранник и шофер? Они что, спали как убитые, в прямом смысле слова? Так что обвинение в убийстве – плод больного воображения. Не существует конкретных доказательств причастности Ампилоговой к убийству. Нет явного очевидного мотива. Подумаешь, «психологические трудности» в семье! В какой семье их нет? Вся доказательная база строилась на самом первом признании Ампилоговой и на показаниях охранника Захребетного. Причем Ампилогова от своих показаний, как известно, позже отказалась и заявила, что они были даны «под давлением со стороны». И вообще, само признание в совершении преступления при таких обстоятельствах ни о чем не говорит!

Он выглядел очень убедительным, этот самый адвокат Старчевский, вот только к тому времени Римма Леонидовна Ампилогова была уже мертва – она покончила с собой в женской колонии, куда попала по приговору суда, признавшего ее виновной в смерти мужа...

– И сколько мы еще будем ждать этих влюбленных голубков критического среднего возраста?! – возопила Гланька, подмигнув показавшемуся в дверях Ледникову. – Жратъ, между прочим, охота!

– Действительно, давайте садиться, – сдалась Виктория Алексеевна. – С ним всегда так!

– Это твой сын, – не удержался Андрей.

– Мой-мой, – не стала спорить Виктория Алексеевна. – Ты, между прочим, тоже...

Как обычно бывает в таких случаях, все, уже утомленные ожиданием, облегченно вздохнув, задвигали стульями, рассаживаясь на привычные в этом доме места у стола, застучали тарелками.

После смерти Николая Николаевича во главе стола обычно восседал Андрей. Виктория Алексеевна усаживалась напротив, тоже как бы во главе, но с другой стороны и поближе к кухне. Ледников оказался рядом с Гланькой, которая уплетала еду с усердием узника концлагеря.

– Ну, давайте выпьем! – провозгласил Андрей. – Выпьем за все хорошее, то есть за нас с вами!.. И все! – строго прикрикнул он. – Больше никто ни слова. А то сейчас опять вселенский плач начнется! Знаю я вас!

Ледников выпил и принялся за пирожки, думая о том, как страшно и непоправимо раскалывается, распадается жизнь целой семьи, вчера еще казавшейся единым целым с расчудесным будущим впереди.

Гланька заботливо положила ему добавки и посмотрела на него быстро, чуть опустив уголки губ, отчего лицо ее приобрело грустное и одновременно плутовское выражение. Она вела себя так, будто они вдвоем уже выделены и отделены от остальных. И главное, ее, кажется, ничуть не смущало, что другие видят это. Андрей несколько раз уже покосился на них, но Гланьку это ничуть не взволновало. Однажды она даже быстро с усмешкой показала отцу язык.

В бестолковой суете выпили еще по одной, закусили, а потом Гланька снова принялась за свое.

– Я все-таки не могу понять – жена Ампилогова все-таки могла мужа убить или нет? А, бабуля? Все-таки они к вам в гости захаживали… Неужели ты не разглядела на ее лице клейма убийцы?

Бедная Виктория Алексеевна чуть не подавилась и шумно закашлялась. Но Гланьке все было по барабану. Эта особа умела добиваться своего. И деликатностью она не страдала.

– Как вы думаете, обычная женщина, с которой вы сидели за одним столом,альная, а не какой-нибудь подготовленный спецагент, может взять пистолет и стрелять в спящего человека? Причем в ситуации, когда ей никто не угрожает? Пойти и застрелить спящего мужа? Не во время ссоры, не во время ругани? А вот так глубокой ночью, когда он спокойно спит? Вы можете это мне объяснить? Что она должна была пережить?

Виктория Алексеевна с испугом смотрела на вошедшую в азарт и актерский раж Гланьку. «Она уже репетирует будущую роль ведущей в своем фильме, – подумал Ледников. – Вот с такими же интонациями и напором она будет задавать эти вопросы с экрана телезрителям. И надо сказать, девочка может. И очень даже может». И вдруг ему захотелось эту нахалку немного охладить, поставить на место. Надоело смотреть, как она всеми понукает.

– Что касается того, как это можно было пережить… – с улыбкой мудрой змеи и напускной задумчивостью произнес он. – Переживают и куда более страшные вещи. Представьте себе женщину, муж которой решил кончить жизнь самоубийством и рассказывает ей об этом. И знает, что она говорит ему в ответ? Что уйдет вместе с ним. Только она не сможет выстреливать в себя, поэтому пусть он сначала убьет ее, а потом себя. После этого они садятся писать предсмертные письма, в которых объясняют, что не могут больше жить, просят прощения у всех близких. После этого они ложатся рядом на большую двуспальную кровать, и муж, закрыв глаза, стреляет ей в висок, а потом тут же стреляет в себя, тоже в висок…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.